

РАССКАЗЫ

ПОЛИТИК

Сицилия, Сиракузы, август 388 года до н. э.

Конец лета того года выдалось необычайно жарким. Зимой все мечтали просто о тепле, но не о таком воцарившемся повсюду пекле. Даже ночная прохлада не приносила облегчения. Духота и влажность просто душили всех, изматывая и убивая особенно слабонервные натуры. Мир раскалился добела, чтобы довести до крайней точки кипения все человеческие чувства и отношения. Кое-где дело уже дошло до пожаров, и некогда ясное небо было полностью затянуто едким черным дымом. От царящего повсюду смрада постоянно перехватывало дыхание и сбивало пульс.

Славный правитель великого города Сиракуз Дионисий Старший¹ пребывал в расцвете лет и в полноте политических сил. Он был удачливым полководцем и успешным политиком. Придя к власти, он как стратег-автократ превратил Сиракузы в один из самых влиятельных политических центров Средиземноморья. Даже горделивые Афины были вынуждены лебезить перед ним, всячески угождая его геополитической прихоти. Он гордился своим титулом тирана, указывавшим на то, что он не унаследовал власть от предков, а добыл ее сам благодаря своим личным качествам и заслугам. И благодарное Отечество ему воздало эти почести, достойные лишь для самого избранного благородного героя.

К моменту нашей истории Дионисий был у власти уже второй десяток лет и прекрасно знал тонкости этого непростого ремесла. С годами он стал замечать, что его и без того непростой характер начал зачем-то портиться. Неудержимая жажда власти просто засасывала его, высасывая из него все соки совести. Он понимал, что власть — сильнейший наркотик, но как «наркоман» уже ничего с этим не мог поделать.

В тот день уже с раннего утра стояла жуткая жара. Солнце, казалось, собралось зажарить всю Сицилию на своей огнедышащей вселенской сковородке. К середине дня белоснежная туника правителя уже стала серой, обещая, что, если пепел будет и дальше с такой же интенсивностью сыпаться с небес на землю, стать к вечеру уже совершенно черной. Но Дионисия это беспокоило в последнюю очередь. Он то и дело поправлял массивную золотую цепь на своей бычьей шеи, чувствуя, как она с каждым прикосновением все сильнее нагревается и начинает его уже самого припекать.

Как великий правитель, он старался сидеть в позе Зевса Громовержца, чья статуя возвышалась за его спиной и в тени которой он в тот момент и находился. Старая трав-

---

Павел Леонидович Вялков родился в 1966 году в Астрахани. Выпускник исторического факультета Астраханского государственного университета. Преподаватель, профессор, доктор философских наук. Живет в Астрахани.

¹ Дионисий Старший (Дионисий I) (ок. 431/430 — 367 до н. э.) — сицилийский военачальник (занимал должность стратега-автократора); тиран города Сиракузы в течение 37 лет (приблизительно с 405-го по 367 год до н. э.). Распространил свое влияние практически на все города Южной Италии («Великой Греции»), а его флот господствовал на Средиземном море.

ма позвоночника некстати разнылась, мешая ему быть величественным на фоне начавшегося всеобщего хаоса. Поэтому удержать эту величественную царскую осанку ему становилось все труднее и труднее.

Дневное светило в тот год просто взбесилось, решив испепелить все на этой грешной земле. Казалось, что и море уже закипает, и мозги вареные вытекают вон из своих интеллектуальных сфер бытия. А тут еще случился этот катастрофический пожар. Ветер разогнал всепоглощающий огонь до какой-то бешеной космической скорости. Многие селения уже выгорели дотла, другие еще горели в эту минуту. Сицилия полыхала, превратившись в одну огромную печь. Засуха выжимала из людей последние соки жизни. Город стоял и задыхался в едком дыму. Из-за смога уже не было видно местного Акрополя и все плыло в ядовитом черном тумане.

Но тиран не торопился эвакуироваться из уже дымящихся Сиракуз. В тот день он был занят чрезвычайно важным делом — Дионисий выносил приговор по делу заговора философов. Сам он с детства ненавидел сезон жары, а тут еще и этот заезжий из Афин философ выкинул фортель — создал у него под носом свое так называемое «идеальное государство», чем несказанно оскорбил его собственное, объявленное несовершенным (хотя сам правитель был им весьма доволен). Такое соперничество тиран счел как попытку государственного переворота и приказал схватить вольнодумца и осудить за все его лихие грехи.

И вот настал час суда. Его местом он назначил свою частную виллу, которая примыкала к городской площади храма Аполлона и Артемиды Сиракузских. От расположенного здесь же бассейна фонтана Аретуза веяло еле уловимой прохладой, а густо растущие по его берегам тростник и папирус оттеняли пейзаж своей пышной зеленью. Райский уголок с античными скульптурами, колоннадой и цветочными клумбами. Земные владыки потому и окружают себя еще при жизни райскими кущами, потому что подозревают, что в перспективе их ожидает пекло ада. Дионисий не был исключением из этого общего правила. Его позолоченный трон стоял на гранитном возвышении, откуда хорошо было видно весь этот потаенный городской уголок и даже часть берега Средиземного моря, омывающий город с восточной стороны. На противоположной стороне фонтана стоял философ, прикованный по прихоти грозного властителя к мраморному четырехгранному столбу фаллической формы, на вершине которого красовалась скульптурная голова бога Гермеса. По мнению правителя, все это было издевательски двусмысленно. Особенно для самого подсудимого.

Сиракузский владыка старался демонстративно не обращать на эту двусмысленность никакого внимания, продолжая наслаждаться своей абсолютной властью, справедливо полагая, что на данный момент ему нет равных, а сам он может при помощи палача любой нестандарт уравнивать под некий усредненный показатель. Поскольку он считал себя великим, то и сам его титул «Тиран» мы будем отныне писать с заглавной буквы, тем самым подчеркивая еще и существующую в сей правящей персоне манию величия.

За тиранским троном стояли два его ближайших наушника — Дион, брат его третьей жены Аристомеи, дочери олигарха Гиппарина, и Дионисий Младший, его сын от второго брака с некоей Доридой из Лорк. Каждый шептал ему свое, часто противореча друг другу, но еще чаще ссорясь с здравым смыслом. Единственно здравомыслие было у того, кого они считали арестантом и которого в знак уважения все еще называли «Философом». Даже в свитке приговора, который Тиран держал в руках и то и дело разворачивал, заглядывая в его текст, арестант обезличенно именовался именно как «Философ» — любитель мудрости и «друг богов».

Противостояние правителя и мудреца началось несколько месяцев назад, после того, как гость начал публично высказывать нелицеприятные вольнодумства относительно качества его власти. Изгнанный из своих Афин, он явился в его родной город

и начал смущать умы местных граждан. Опасаясь, что трон под ним может зашататься, Тиран поспешил предупредить события и сам нанес первым удар по конкуренту.

Дионисий понимал, что сам он не простой человек, что в нем много такого, о чем лучше бы вообще никому не знать. Но зачем об этом прилюдно говорить?!

— Мудрец слишком глубоко меня «копнул», — трезво рассудил Тиран. — Надо его самого, пока не поздно, «закопать»...

Абсолютная власть тирана налагала на него определенные, порой даже неподъемные обязательства. В глубине своей души Дионисий ощущал себя черным демиургом, сидящим над шахматной доской мира и повелевающим всеми этими глобальными процессами. В такие минуты все остальные мелкие людишки казались ему ничемными «пешками», которые можно по воле его верховной власти как угодно тасовать. Но образ такого властного демиурга всякий раз трещал по швам, когда наталкивался на эту философскую глыбу, как Прометей, прикованный им ныне к фаллическому столбу Гермеса. И он нутром ощущал, как его «боевой корабль» налетел на эти подводные рифы и дал смертельную трещину. Это был самый худший день в его жизни. И он уже сожалел о том, что не остался утром дома, а поддался на уговоры своих советников и затеял это судилище. При этом он не мог отвязаться от мысли, что в глубине душе он все-таки симпатизирует этому афинянину и признает его моральную правоту и даже некое умственное превосходство. Но следующий поток эмоций гордости противился и противостоял этому откровению его совести. Дионисий инстинктивно чувствовал исходящую от этого арестанта реальную угрозу его власти. От того он и ощущал себя неуютно в присутствии этого человека. В компании с ним Тиран понимал свою умственную ограниченность. И теперь уже не мог скрывать раздражения при виде его спокойного и добродушного лица. Перепады настроения делали его крайне неустойчивым и раздражительным.

В тот день жара сыграла с Дионисием злую шутку. Солнце вдарило по нему, расшатав и без того неуравновешенную психику, вследствие чего он стал страдать резкой сменой настроения: из состояния апатии и полного покоя он мог срываться и доводить себя до истерической агрессии, чтобы затем, после выброса негативной энергии, снова погружаться в безмятежное меланхолическое состояние.

Копившаяся в нем все это время раздраженность наконец прорвалась наружу в виде сконцентрированного зла. Он начал терять терпение и перестал контролировать свои эмоции. В этот момент злой демон поработил его душу. В этот момент за его спиной замаячил мрак Аида. Зло ведет человека в ад. И Дионисий понимал, что он уже практически находится в его передней.

— Ад это — я! — То и дело возвращался он к этой своей навязчивой и пугающей его мысли. — Его пекло уже горит во мне, выжигая там все человеческое! Мне самому страшно, а этот проныра так глубоко нырнул в мою душу, что смог вытащить наружу весь этот мой потаенный ад... Зачем? Зачем им пугать других! Простой обыватель пускай живет себе мирно, ничего об этом не зная. Ах, как бы я сам хотел ничего этого не ведать и быть счастливым...

Поняв, что правитель — полное ничтожество, Философ потерял к нему всякий интерес. Он демонстрировал и внешнее, и внутреннее спокойствие. Слова обличителей разбивались о непрístupную его фигуру, пустой шелухой осыпаясь в разные стороны. И этой своей позицией он еще больше бесил своих судей. Мыслитель был вызывающе равнодушен к их судилищу. Он стоял, как скала, и издали было видно, что это действительно великая личность. Свою вину он не признавал и даже, более того, имел наглость еще обличать пороки местной власти.

«Совсем страх потерял! — думал Дионисий, то и дело заглядывая в обличительный приговор. — Утверждает, что он идеальный правитель, а я — нет! Я, значит, дефектный!

А я самый что ни на есть нормальный тиран! В хорошем еще смысле этого слова «тиран»... — тут же он сам себя поправил, вспомнил о новой негативной коннотации этого старинного почетного титула. — Я не какой-нибудь там каннибал или садист. У меня нормальное чувство юмора. Я люблю поэзию, историю, театр... женщин, наконец, тоже люблю... Как я могу быть после всего этого злым человеком?! Вот не сразу же варю его в кипящем масле, а думаю, как бы по-умному его казнить... У меня даже есть разделение властей... в том смысле, — тут же он снова сам себя осторожно поправил, — что мое сознание раздваивается на сознание правителя, законодателя и судьи...»

— Ты пригласил меня к себе в гости для того, чтобы я помог тебе построить здесь идеальное государство, — словно прочитав эти его мысли, напомнил Тирану Философ. — Ты оторвал меня от важных философских бесед с моими друзьями-пифагорейцами. Я потратил кучу времени и сил, объясняя тебе, в чем состоит суть идеального государства. Я настойчиво вдалбливал всем вам, что идеальный полис — это такое государство, в котором философы вместо чаши с цикуттой получают бразды разумного правления... Но ты не понял. Ты по-прежнему настаиваешь на чаше с ядом...

— Жарко... — не обращая на его слова ровным счетом никакого внимания, пожаловался Тиран, обмахивая себя папирусным свитком, на котором было изложено обвинение его суда по заговору философов. — Жуткая жара... Мозги так и плавятся на этом диком африканском солнце...

— А тыними корону! — беззаботно усмехнулся его сынишка-подросток. — Может, полегчает...

— Не могу... — отвечал Тиран сыну. — Тогда мозги окончательно вытекут из головы... Корона — это единственное средство, что все еще удерживает их в моей голове...

Известно было, что Дионисий был двоеженцем и то, что его жены люто ненавидели друг друга и открыто враждовали. Их вражда никого в Сиракузах давно уже не удивляла. Бабские скандалы следовали один за другим. Мать одной из них, Дориды, обвинили в колдовстве и как ведьму сожгли на костре при молчаливом попустительстве ее зятя. Но назло сопернице именно Дорида первой родила Тирану сына — Дионисия Младшего. Сам Тиран был занят то войной с Карфагеном, то безнадежно впутывался и сам запутывался в придворных любовных и политических интригах, то праздно валялся вверх пузом на морском берегу, принимая солнечные ванны и обдумывая очередной план покорения и переустройства перепуганного им Мира. Именно во время одного из таких валяний ему и пришла в голову мысль пригласить к себе Философа. И вот теперь он стоял перед ним, весь такой умный, и колол своими упреками ему глаза.

— Твоя тирания абсолютна, — послышался ровный голос мудреца. — Поэтому ты пользуешься дурной славой. Именно при тебе некогда благородное слово «тиран» стало иметь отрицательное значение... И все из-за твоего тщеславия, которое непомерно. С чего это ты решил считать себя еще и талантливым поэтом и трагиком?!

Философ тогда еще не знал, что через двадцать лет афинские льстецы дадут Дионисию приз на Ленайском фестивале за его драму «Выкуп Гектора» и что, радуясь этой своей театральной победе, Тиран устроит роскошный пир и после диких вакхических возлияний позорно умрет, свалившись под стол, подавившись маслянистой косточкой. Кое-кто потом будет доверительно шептать, что вместо снотворного ему заботливо подлили яда. На этом его примере лишний раз убеждаешься, что абсолютная власть одна без злорадства и злословия не бывает.

Но в тот судный день Тиран Сиракуз был раздражен не столько строптивым нравом своего собеседника, сколько тем, что посланные им на Олимпийские игры того года рапсоды были жестоко осмеяны публикой за исполнение его выдающихся стихов. Удар был ниже пояса, а позор оказался выше крыш самых высоких зданий его родных Сиракуз. Судьба безжалостно избивала его — пожар, провал на Олимпиаде, а теперь вот еще и этот насмешник...

«И что он только на меня обиделся? — недоумевал Философ, разглядывая самодовольную физиономию Тирана. — Я всего лишь указал ему на его логическую ошибку в рассуждениях о сущности власти. А он мне гневно в лицо: „Ты говоришь как старый дурак“. А я ему: „Сам дурак“. Нет, не так... Я ему: „А ты говоришь как тиран“. „Запугать тебя невозможно, — заявил я ему тогда, — а убедить — сложно...“ А он меня велел заковать и приковать к этому позорному столбу. О, Гермес! Прости, не ведают что творят...» — Философ тяжело вздохнул.

События развивались вокруг него не так, как изначально им задумывались. Но самым главным разочарованием был сам Дионисий, который оказался не другом, а бездушной театральной маской, скрывающей черную душу коварного правителя. И вот сейчас сидел он перед ним в победном сиянии своего возвышенного абсолютизма и откровенно издевался над его здравым разумом.

Дионисий сам прекрасно понимал, что затеянная им игра в философию с Философом ему уже изрядно наскучила. Событие куда более крупного масштаба надвигалось на его большую от государственных дел голову. Беда уже висела в воздухе, и все ощущали на себе ее адское дыхание. Отблески приближающихся пожаров отражались на его лице. Тиран только успел подумать, что «он светлая личность», как на него с темных небес свалилась горящая головешка. Корона тревожно зазвенела, приняв на себя ее удар.

— О, Аид! — взмолился правитель. — Это знак...

— Кто давеча советовал снять корону? — тут же засуетился зловредный Дион. — Уж не было в этом какого-то злого умысла? Уж не готовил ли кто-то покушение на нашего горячо любимого тирана? Заговор... Чую заговор...

Дионисий Младший испуганно насупил брови и поспешно скрылся в тени отцовского трона. Воспользовавшись этим случаем, Дион склонился над ухом Тирана и начал что-то ему весьма артистично нашептывать, при этом выразительно жестикулируя руками. Южный темперамент не давал ему спокойно излагать свои мысли. Он горячился, особенно когда это касалось его собственной жизни. Понимая этот свой недостаток, он и обратился к Философу с просьбой научить его правильно мыслить и говорить. И надо сказать, время, проведенное с ним в его идеальном городе, не прошло даром. Дион был еще сравнительно молодым человеком, имевший вполне здоровые политические амбиции, и как аристократ, питавший надежды на политические реформы сверху. Он увлекался философией и даже дружил с приезжим мудрецом, что не мешало ему, однако, быть опытным и изворотливым политиком.

Никто не знал, что на уме у хозяина Сиракуз. Но никто (в том числе и сам Тиран) понятия не имел, что творится в голове его ближайшего советника Диона. А в голове той было много мути. Диону всю жизнь приходилось терпеть жестокость Дионисия-отца, а затем и безумства Дионисия-сына. Все годы своей блестящей политической карьеры он безуспешно пытался превратить тираническую власть этого греховодного семейства в просвещенную монархию. За этим он и пригласил Философа на Сицилию, чтобы облагородить, как это ему казалось, нрав своего патрона. Но как выяснилось, шеф его перевоспитанию не подлежал. «Горбатого» нужно было править еще в колыбели.

Прожженный и закаленный в политических боях Дионисий привык никому не доверять и в каждом подозревать притаившегося врага. Поэтому все философские беседы с афинским гостем он воспринимал с внутренним недоверием. И понятно почему — ему, человеку, проведшему всю свою молодость в бесконечных кровавых сражениях, объяснять, что такое мужество, не престоало человеку, который ни разу в своей жизни не брал в руки оружия.

— Я его спросил, — вспомнил Дионисий, — в чем состоит цель властителя, а он мне в ответ: в том, чтобы делать из своих подданных хороших людей... Меня, само-

го справедливого судью в мире, он обвинял в том, что в моем государстве нет справедливости! Ни грамма уважения и лести! Вместо этого одна только грубость. Дескать, «судьи, даже справедливые, похожи на портных, дело которых зашивать порванное платье». Выискался остряк-самоучка! Это он, сволочь философская, так намекал мне на то, что «мало залатывать дыры в государстве, управляемом тираном, надо изменить сами методы власти». Меня — самого храброго тирана на свете — он обвинил в трусости! Я даже бриться перестал после его слов о том, что «тиран — самый боязливый человек на свете, так как он дрожит перед своим цирюльником, опасаясь, как бы тот не зарезал его бритвой».

Идиллия между Тираном и Философом продолжалась недолго. Вскоре Дионисий уже не скрывал своего раздражения по поводу восторженных высказываний своих придворных, очарованных красноречием своего нового афинского друга. Тот энтузиазм, с которым его гость проповедовал свои оригинальные идеи, не мог никого оставить равнодушным. Молодежь была просто очарована им и толпами повсюду бегала за новоявленным мудрецом. Никто никогда еще так открыто и с таким жаром здесь не произносил вслух идей, о которых в другой раз и думать-то все боялись. И первым неопитом этой новой философии стал не кто иной, как сам Дион, открыто провозгласивший себя первым учеником этого модного Философа. «Мода на него вскоре пройдет, — самонадеянно думал Дионисий, — а власть моя останется...»

Тиран вспомнил, как буквально совсем недавно они оба, рискуя жизнью, с восхищением наблюдали за растекающимися потоками пылающей лавы во время извержения вулкана Этны и строили грандиозные планы на будущее. И вот не прошло и трех месяцев, как отношения их резко испортились.

«Какой же я сам идиот! — в сердцах ругал теперь себя Дионисий. — Взял и поверил его бредням! Идеальное государство! Что за вздор! Отдал ему целый город для этого дурацкого эксперимента, и что в итоге? Он чуть было не спровоцировал ненужную войну с соседями. Возомнил, что философ может сидеть на царском троне! Нет, если кто-нибудь об этом узнает, засмеют...»

«Какой же я сам идиот! — переживал и тоже в сердцах Философ. — Обольстился перевоспитать местную мафию... — В его ушах от жары зазвучали старинные сицилийские напевы и какие-то инструментальные аккорды, похожие на мелодию из будущего фильма „Крестный отец“. — Их только закатка в асфальт исправит! Нет, с такими людьми идеального государства не построить... Для идеального государства нужен и идеальный человек! Да вот только где ж его взять?!»

Последнее время Тиран и Философ все чаще спорили по поводу, что такое политика и кто такой политик. Спорили и не находили консенсуса. И этот спор их начинал уже обоих раздражать. Они устали друг от друга. Пора бы расставаться. Но как? Оба друг друга слишком хорошо за это время изучили, и теперь это их знание было опасно для них обоих.

В тот день пререкание между Тираном и Философом носило вялотекущий характер. Они знали, кто что может сказать, и не ожидали услышать друг от друга что-то нового. Великодушный правитель не запрещал мудрецу напоследок высказать все свои даже самые сокровенные мысли. Ведь перед смертью люди не лгут. Тень смерти открывает уста Истины. А Философ стоял на пороге этого великого события в его жизни.

От едкого дыма у Тирана начали слезиться глаза и в голове, словно моль в зимнем гардеробе, завелась мигрень. Он поморщился от боли и замолчал. Собрав волю в свой могучий кулак, он, чеканя каждое слово, произнес:

— В нашем деле слишком много болтовни... Вернемся к делу, от которого мы небрежно отступили... Тебя, Философ, обвиняют в самом тяжком преступлении — в попытке совершения государственного переворота. То, что тебя следует казнить, не об-

суждается. Мы лишь решаем, каким образом это сделать... В нашей политической культуре есть множество прекрасных казней. Но все они уже порядком надоели. Взять хотя бы традицию всех царевичей толочь в железной ступе, а «фарш» скармливать свиньям или псам... Но это уже анахронизм... Это уже было много раз и всем уже успело наскучить... Мы думаем, как бы тебя так культурно казнить, чтобы об этом говорили веками. Чашу цикуты ты не получишь. Путь Сократа не твой путь... Ты должен пойти своим путем...

— Быстрее думай! — ворчал за его спиной Дион. — Сиракузы уже горят. Если плохо будешь соображать, все сами вскоре станем шашлыком...

— Меня тут торопят... — напротив, медленно процедил сквозь зубы Тиран. — Терпеть не могу цейтнот. Тут решается судьба великого человека, а они — Сиракузы, Сиракузы... Да хрен с этими Сиракузами! Сгорят одни, другие построим. А вот к богам спровадить с почетом Философа не каждый день приходится. Где еще я найду потом такого второго? — и, обернувшись к Философу, припомнил ему еще одну нанесенную им обиду: — Так что ты там ворчал насчет моей власти? Говорил, что этому трону нужна другая более умная морда?

— Было дело... — как-то лениво соглашался с ним Философ. — Против правды не пойдешь... — а про себя подумал: «Правда, я уточнял, что твоему трону нужна не столько новая морда, сколько новый зад...»

— Я самый успешный тиран на свете! — горделиво продолжал Дионисий. — Чего, собака, тебе еще надобно?!

— Ты самый неудачный тиран! — опять возразил ему осужденный. — И вот почему. До тебя слово «тиран» носило позитивное значение. Но ты полностью дискредитировал этот титул, и он теперь стал олицетворять все то негативное, что есть в политике. Теперь это слово бранное. Благодаря тебе оно теперь стало вне закона...

— Во время пожара, — как-то небрежно заметил Тиран, — все становится вне закона, потому что действует один-единственный закон — закон всепожирающего пламени! Вот сгорим мы сейчас с тобой оба, и вся твоя хваленая философия пойдет коту под хвост. Я как величайший тиран современности останусь на страницах политической истории, а ты безвестным сгинешь в пучине безвременья... Вот и вся истина... Истина — это неизбежность, сколько бы ты ее ни доказывал или ни опровергал, она тебя все равно постигнет и покарает...

Дионисий терпеть не мог никаких возражений. Он давно привык все сам контролировать и теперь сожалел лишь об одном — что не научился еще управлять жарой...

Жара для него была во сто раз хуже, чем этот назойливый мудрец с его философическими принципами. В тот год жаркое лето перевалило уже за свой сезонный экватор, и кем-то небрежно оставленный в лесу костер раздулся в грандиозный пожар, напоминающий финальную картину общепланетарной катастрофы. Все горело и разрушалось. Сицилия представляла собой огромную сковородку. Лесные пожары стремительно распространялись, превращая все на своем пути в груды пепла. Дойдя до Сиракуз, гигантское пламя пыталось теперь сверху охватить город и погрузить его в свой огненный хаос. От пекла на крыше храма Аполлона начали плавиться свинцовые скрепы, и расплавленный металл искрящимися огненными струями стал капать на мраморные ступени. Казалось, что Апокалипсис грозно стучится в двери беспечных Сиракуз. От жары все зарумянилось, и не хватало только соуса, чтобы вкусно запечься в этой коллективной духовке.

Философ поднял глаза. Он стоял лицом к пытающему городу и видел, как огромные языки всепожирающего пламени рвались к небесам, словно стремясь соединиться там с огнем дневного светила.

— Вот огонь уже подобрался к храму Гермеса! — рассуждал философ, на глаз прикидывая оставшееся до него расстояние. — А это значит, что сейчас горит уже цар-

ская библиотека в тысячу древнейших ценнейших греческих и египетских фолиантов. Жаль, что я так и не успел ознакомиться со свитками персидских и индийских магов... Н-да... Если боги хотят наказать людей, они карают их забвением... Скоро моя плоть станет пеплом, но дух... дух соединится с миром идей и познает новый строй вечных истин.

Сидящий на фоне этого огненного кошмара Дионисий олицетворял собой земную обреченность перед разгулом космических стихий. Его неподвижная фигура напоминала собой саму фатальность и тщетность земного бытия. Суровый судья сам находился перед самым беспристрастным судом Вселенной — судом времени. Во всем этом было что-то потустороннее. Его золотая корона то и дела ослепительно сверкала, отражая в отполированном металле языки надвигающегося на них адского пламени. Казалось, будто она сама тоже время от времени воспламеняется. Казалось, что будто бы это она на самом деле горит и все вокруг себя поджигает.

«После извержения Этны меня уже ничем не удивишь! — думал тем временем Тиран Сиракуз, всматриваясь в глаза своего собеседника, в которых отражались отблески бушующего за его спиной пламени. — Сгорим так сгорим! Ни у кого еще из земных владык не было столь грандиозного погребального кострища! — В эти критические для его жизни минуты он ощущал себя Персеем, который в битве с Медузой горгоной смотрел на нее в свой зеркальный щит, в котором отражался ее смертоносный взгляд. — Именно в такие минуты проявляется истинная сущность человека... Запаникует он, сбежит или проявит презрение к собственной жизни и победит явившуюся ему навстречу тень Танатоса... Ангел смерти трусов презирает... Его железное сердце слезам человеческим не внемлет... Философ, пожалуй, его тоже не боится... Тем более мне никак нельзя перед ним так низко пасть... Перед кем угодно, но только не перед ним и не сейчас...»

Стоявшие в гавани торговые суда и военные корабли уже давно вышли в море, эвакуировав большую часть жителей Сиракуз. В порту остался только один корабль спартанского посла, специально задержанный властями для спасения Тирана и его семьи. «Спартанцы люди терпеливые! — точно рассчитал Дионисий. — Пока им не прикажут, они и бровью не поведут... Они, как и коровы, не знают заднего хода... Поэтому никуда не сбегут...»

Стремительно мчащийся на них огненный хаос уничтожал весь существовавший на земле порядок, привнесенный сюда многовековым людским трудом. Огонь Сиракуз повторял контуры огромного солнца, протуберанцы которого то и дело с диким ревом взмывали под небеса, осыпая всех пеплом и тлеющими головешками.

— Тот, кто переживет этот Апокалипсис, станет совершенно другим человеком... — неожиданно выдал прямо в лицо афинскому мудрецу Дионисий. — Тебе не кажется, Философ, что мы находимся внутри гигантского очистительного пламени? Именно в такие минуты должны рождаться великие философские истины... Роди нам такую. Докажи, что ты философ, а не софист. Облегчи своей великой Истиной страдания людей...

Подсудимый задумался. И в самом деле, перед лицом смерти думается как-то по-особому. Попав в пограничную ситуацию, человек становится неуязвим для лжи. Он вспомнил слова своего учителя Сократа, который неоднократно повторял, что перед лицом смерти все люди становятся философами, поскольку начинают размышлять о смысле конечности своего земного существования.

— Знаешь, Дионисий... — вдумчиво произнес он, когда стих очередной вой взметнувшегося к бескрайним голубым небесам огромного огненного столба, окончательно пожравшего храм Гермеса Сицилийского. — Самое трудное в нашей жизни быть справедливым, обладая полной свободой творить несправедливость... Ты мог бы быть

первым земным правителем, которому удалось бы это сделать... И был бы счастлив... Но увы... — Философ развел закованными в цепи руками. — Ты упустил этот свой исторический шанс. И потому обречен...

— Трудно быть счастливым, когда тебя никто не любит, — словно сам себе сказал правитель Сиракуз, в уме повторяя услышанные слова. — Эрос и Логос у меня не дружат, а враждуют... — и, немного помолчав, вновь накинулся на свою жертву, словно в нем снова проснулся кровавый хищнический инстинкт. — Ты предал нашу дружбу! Растоптал доверие! Мы с тобой прошли огонь Этны и чуть было оба не погибли в ее ядовитых испарениях! Я тебе доверял, а ты все испортил! — бросил он в лицо своего гостя горький упрек разочарования.

— Я испортил?! — обиженно пожал плечами тот. — Ничего я не портил. Я, напротив, все облагородил.

— После твоего «благородства» придется зачищать весь город! — вновь вспылал гневом раздражительности Тиран. — Его надо будет дезинфицировать от твоей глупости.

— Ты ничего в этом не понимаешь!

— Я не хочу ничего чужого и чуждого мне понимать, — решительно перебил Дионисий своего собеседника. — Мы разговариваем с тобой совершенно на разных языках.

— Ты мне просто завидуешь!

— Завидую?! Тебе?! Чему?

— Тому, что у меня получилось создать идеальный город! Его жители даже назвали его в твою честь: «Львиное сердце»!

Тиран брезгливо фыркнул, вспомнив свое давнее увлечение подвигами Геракла и как, подражая ему, носил львиную шкуру и мечтал совершить двадцать четыре героических подвига...

— Ах, какой это был город! — продолжал между тем Философ свои воспоминания. — Как я его благоустроил и какой в нем навел идеальный порядок: пить перестали и начали работать. Каждый занимается только своим делом и не лезет с глупыми советами в чужие дела, особенно в политические.

— Вот это меня больше всего и беспокоит... — поправив на голове корону, озабоченно покачал ею Дионисий. — Ты-то сам лез в чужие дела и утверждал, что я не на своем месте...

— Я как раз занимался своим делом... — категорически отверг его упрек Философ. — Я внимательно изучил твои умственные, волевые и моральные достоинства и пришел к выводу, что в нашем идеальном государстве ты был бы в мирное время главой домового комитета, а в военное время в лучшем случае командовал обозом уличной милиции.

— Но почему тогда я тиран такого огромного государства?! — чуть ли не истерично закричал автократор, и в его глазах блеснули мелкие мимолетные слезы обиды.

— Да потому что на данный момент в этой части мира на тебя не нашлось более сильного противника... Тебе просто повезло! Фортуна на твоей пока стороне! Но на одном везении великих государств не построить... Я же предложил проект идеального государства, которому были бы нипочем ни ужасы войны, ни прелести мира. Я построил самый лучший город в мире!

— Роз на улицах не было, — признался Философ, продолжая далее отстаивать свою точку зрения, — но зато в душах цвела и благоухала Истина. Люди стали улыбаться и перестали прятаться от власти, потому что та перестала на них рычать и кусаться. Все изменилось в одночасье, когда кто-то (кто именно, я умолчу, хотя все присутствующие здесь его прекрасно знают) подослал ко мне наемного убийцу. — Дион и Дионисий Младший как-то не по-доброму посмотрели на Тирана. — С киллером мы договори-

лись быстро, и он добровольно изъявил желание выйти на пенсию и стать моим учеником. А вот с заказчиком оказалось все гораздо сложнее. Заказчик устроил в городе ночной погром и разогнал нашу меритократию...

— Все это пустопорожняя риторика! Вульгарная теория заговора! Ни одного факта! — легко парировал все его обвинения счастливый правитель Сиракуз. — Все фантазии, призванные скрыть один-единственный очевидный факт — твое идеальное государство оказалось нежизнеспособным. Оно не смогло себя защитить...

— Оно только что родилось! Ты совершил чудовищное преступление — удавил новорожденного в колыбели! — бесстрашно отвечал ему Философ. — Этот день стал самым черным днем во всей политической истории человечества! Впрочем, я вижу, что мои слова вызывают у тебя больше головной боли, чем дым горящих Сиракуз...

— Нет, ты можешь говорить и дальше, — снисходительно разрешил ему Тиран и далее продолжать свою горькую исповедь. — Я тебя внимательно слушаю. Только совершенно не понимаю, о чем ты тут столь пространно говоришь... Твое присутствие здесь я вообще расцениваю как диверсию демократических Афин против моего свободолюбивого города.

— А я тебя расцениваю как ошибку истории... — услышал он в ответ невозмутимый голос своего собеседника.

— Ты говори, говори... — предложил мыслителю не останавливаться Дионисий. — Почему бы тебе напоследок не выговориться и тем самым не подтвердить справедливость моего приговора... Облегчи себе душу перед встречей с Аидом...

— Ты делаешь все, что не надо: где не надо давишь, кому не надо потворствуешь, — продолжал тем временем смело обличать негодную власть Философ. — А то, что надо, от тебя никогда не дождешься... Ты топчешься на людях, не замечая хруста их костей. Твоя роскошь разоряет страну и развращает нравы. В твоей власти больше театрального, чем реального.

Тиран взглянул поверх головы Философа на лазурную кайму Средиземного моря и театрально выразил на своем лице мертвецкую скуку. Трудно быть великим — всегда приходится из себя кого-то изображать.

— Ты вроде бы уважаемый человек. Из старинного царского рода, а связался с теми, кого наши соседи-латиняне презренно называют «плебсом», — попытался пристыдить Философа Дионисий, мысленно простившись с прохладными просторами моря. — А какое имя у тебя благородное — Аристокл! Не то что мое. Ты правнук царей, а я сын кухарки и внук парикмахера! Всю жизнь верчусь, как угорь на сковородке! — Тиран на секунду прикрыл глаза, представив себе раскаленную сковородку и себя в виде извивающегося угря, стремящегося проскочить мимо пузырей кипящего масла. — Если бы я имел такое блестящее происхождение, разве я занялся бы этим порочным ремеслом философа?

— Ты путаешь меня с софистами... — поправил его афинский гость. — Я с ними ничего общего не имею... А вот ты, напротив, их благодарный ученик...

— Да, может быть, я и не силен в вашей философии, но зато никогда не отрывался от реальности... — разоткровенничался с ним Тиран. — И я на своей шкуре знаю, насколько эта реальность сурова. Она таких ошибок не прощает... Будь ты на моем месте, тебя бы давно конкуренты замочили в какой-нибудь сточной канаве... Реальная политика не для тебя. Ты наивный человек. Ты «плебс» назвал «меритократией» и думал этим самым изменить существо дел...

— Зато в моем правлении не было ничего деспотического... — спокойно парировал его аргументы Философ. — Ты же без насилия и дня прожить не можешь. Человек для тебя ничто... Для тебя гвоздь в твоих сандалиях важнее любого живущего в Сиракузах.

— Ну, вот как с ним разговаривать! — в бессилии развел руками Дионисий. — Я ему о праве власти на самоопределение, а он мне, что я напрасно занимаю чужое место... Я ему о том, что у меня призвание быть политиком, а он мне, что политика — это профессия и ей следует учиться... Да я всю жизнь только это и делаю, что учусь! Меня учила сама суровая жизнь и на моих же собственных ошибках... И лучше всех здесь присутствующих, а это, заметьте, отнюдь не последние люди нашего государства, знаю, что такое власть и как управлять государством...

— Ты не профессиональный политик, — бесстрашно бросил ему в лицо упрек Философ. — Ты — дилетант, любитель. Ты правишь не по-научному. Потому быстро и плохо кончишь!

— Идеалист... Да если бы я правил по-твоему, по-научному, то кончил бы еще раньше и гораздо хуже ... — резонно возразил ему на это Тиран. — Поэтому будет не по-твоему, а по-моему! Что ты можешь знать о политике, ни дня не занимаясь политикой?! И кого ты вздумал учить? Меня?! Прошедшего сквозь огонь войны, помои клеветы и медные политические трубы! Я свою корону добыл кровью и потом, а он свою намерен смастерить из каких-то там идей... Твои идеи что ветер — летают, где хотят... Я сколько раз пытался их понять, и все без толку...

— Тебя идеи пронизывают насквозь и, не задерживаясь, летят дальше к более умным людям. Вот почему, что бы я тебе не говорил, ты ничего не понимаешь. Мы с тобой разговариваем действительно на разных языках. В этом ты прав... — объяснил причину их разногласия приезжий мудрец. — Ты считаешь себя большим специалистом в области военного дела. Но не можешь сформулировать ни одного закона войны... Отсюда совершаешь столько много ошибок...

— Но не больше, чем мои противники... — заметил философу его собеседник. — Война есть соревнование в ошибках, и побеждает тот, кто первым воспользуется совершенной противником фатальной ошибкой...

— Последнее дело надеяться на ошибку противника... — усмехнулся ему на это Философ.

— Хорошо! Раз тебя все не устраивает, скажи сам мне, что такое политика и кто такой политик?

— Пожалуйста. Есть всего два способа сделаться профессиональным политиком — надо либо жить для политики, либо жить за счет политики, — незатейливо объяснил ему гость с афинского Акрополя. — В первом случае человек наслаждается обладанием властью, которая стала смыслом всей его жизни; во втором случае — он делает из нее постоянный источник своего дохода и пропитания...

— Я не то и не другое... — на какое-то время призадумался Дионисий. — Я научился получать удовольствие от политики и извлекать из нее прибыль. Твое учение неверно, потому что оторвано от практики. Я изгнал из своего государства алчных олигархов и усмирил буйство шумной демократии. Я — уникален, потому что универсален и потому что второго такого, как я, нет и никогда не будет... — С этими словами он проворно схватил за ухо притаившегося за тронем сынишку и, словно как нашкодившего котенка, больно потрепал за него. — Сколько раз я тебе говорил, не трогай мою корону! — тоном школьного учителя отчитал он его. — Ты ее своими грязными пальцами всю залапаешь!

— Н... да... — вздохнул Философ. — Трудно заниматься воспитанием, когда у самого в багаже «три класса и коридор»...

— Философ явно перегрелся на солнце! — своевременно шепнул на ухо Тирану проворный в политическом наушничестве Дион. — Не обращайтесь на его слова внимания... Он, наверное, уже бредит...

— Жара отрицательно влияет на твои умственные способности, Философ... — усмехнулся в ответ на его слова Дионисий, сам обливаясь потоком липкого соленого пота. — В другой раз я бы отвел тебя к врачам, но сейчас приговор тебе уже вынесен, и я отведу тебя к другому «врачу» — палачу...

Дион встретился взглядом с Философом и многозначительно ему подмигнул, дескать: «Не волнуйся! С палачом мы уже договорились и все уладим любовно».

Поняв, что начинает понемногу подгорать, Дионисий приказал своим слугам спустить его вместе с тронem в прохладный бассейн. Туда же поспешно переместились и его ближайшие наушники. Философ равнодушно взглянул на их постыдное переселение и продолжил припекаться на сиракузской жаровне, выражая к ней свое полнейшее равнодушие, словно это его не касалось.

— Из твоего города улетели даже чайки... — словно издевательски продолжал спокойно троллить Тирана Философ. — Они огибают это побережье моря, только лишь бы тебя не видеть...

— И хорошо! — усмехнулся тот ему в ответ. — Меньше мне будут гадить на голову всякие там безответственные твари...

— Вот потому у тебя казна и пуста, что даже птицы облетают твою сиятельную голову стороной! — ехидно усмехнулся Дион. — Знаешь, — тут же предложил он Тирану, — пускай они гадят на мою голову, хоть какая-то копейка будет в доме...

— Мне не до шуток сегодня! — отмахнулся от его саркастической выходки правитель Сиракуз, умывая свое лицо и руки водой из бассейна. — Мы выносим приговор. Будьте серьезны. Осужденный утверждает и пытается доказать, что я совершенно заурядный правитель и что у меня нет никаких заслуг и никаких преимуществ перед остальными правителями современности... — с маниакальной настойчивостью повторял он опять одно и то же.

— Твоя уникальность, — вернулся после некоторой паузы к теме их бесконечной дискуссии мудрец, — весьма относительна... Она ситуативна. В целом ты обычный человек, которому случай помог облечься верховной властью... В одном я с тобой согласен, что ни олигархия, ни демократия не блещут справедливостью порядка. Старые обычаи, законы и нравы до неузнаваемости извратились и пошли вразброд. У меня в глазах темнеет, когда я вижу весь этот разврат...

— Ты говори, говори... — опять повторил Тиран, устало вытирая черный пот со своего раскрасневшегося лица. — Я даю тебе полную свободу слова... Пользуйся моей добротой... Говори...

— Свобода слова подразумевает также и право на молчание... — возразил ему Философ. — Я устал с тобою спорить и больше не желаю попусту метать бисер...

Думающий человек всегда будет мучиться вопросом, как улучшить нравы и усовершенствовать государственное устройство, — продолжал Философ. — Все, что я видел в своих странствиях по миру, все было плохо. Политический мир испортился вконец. Он пребывает во зле. С ним нужно что-то делать. Если сидеть сложа руки, то все вскоре само рухнет. Нашему миру придет конец. Поэтому его необходимо спасти. Законы уже не работают, воля бессильна, совесть смертельно ранена пороком... Я понял, что помочь им может только любовь к истине...

— Сицилия — блаженный край, — печально улыбнулся Философ. — Но вы все здесь погрязли в бесконечных пирах. Эта ужасная привычка дважды в день наедаться до отвала просто кошмарна и отвратительна. А как вы воспитываете своих детей? Уму непостижимо! Вы полностью погрузились в роскошь, обжорство, пьянство, любовные утехи и не прилагаете ни к чему никаких усилий, чтобы сделать лучше. Ваши правители и слышать не желают о справедливости и равноправии. Разврат для вас стал нормой.

— Все это пустые слова... Улетели, и нет их... — скептически заметил Тиран, обливая себя из ладоней уже горячей водой из бассейна.

— Осталась совесть, — напомнил ему о вечных истинах Философ. — Она никогда не покидает человека. Она — истинный наш ангел-хранитель.

— Совесть! В делах власти она не помощник... Я столько сил приложил к тому, чтобы добыть эту власть, что отказаться теперь от нее для меня смерти подобно, — откровенно признался Тиран. — А следуя голосу совести, я должен был бы давно уже уйти на покой.

— Ты не поверишь, — с усмешкой отвечал ему Философ, — но я приложил не меньше усилий для того, чтобы не получить этой власти...

— Значит, мы оба совершили подвиг.

— Да, только мой менее кровавый...

— А может быть, наоборот.

— Что ты имеешь в виду?

— Может быть, отказавшись от власти, ты тем самым открыл дорогу никчемным людям, злодеям и убийцам, которые по твоему бездействию пролили еще больше крови, чем пролил ее я... Если бы ты был правителем Афин, ты бы казнил своего учителя Сократа?

— Конечно, нет...

— Как знать, как знать... — загадочно улыбнулся сиракузянин. — Может быть, политическая целесообразность тебя так приперла бы к стене, что ты и его, и свою мать принес бы на ее алтарь жестокости... — Философ почувствовал, что Тиран не лукавит и говорит вполне серьезно. — Поэтому будем считать, что Сократа казнили по твоей вине, потому что ты в свое время из чисто меркантильных соображений отказался быть правителем своего родного полиса...

— Софист! Во всем софист! — презрительно бросил ему в лицо гость.

— Замечательно! — вновь усмехнулся Тиран. — Замечу, что когда ты клеймишь меня позором, то ты философ; когда я тебя — то я софист! Вижу, что для тебя и слово «софист» тоже стало бранным.

— Не злоупотребляй хорошим, — многозначительно вымолвил мудрец и отвернул от него лицо в сторону.

К тому времени все находившиеся при правителе придворные уже изрядно устали от этого по-настоящему жаркого препирательства и давно уже молили небеса позволить им окунуться в прохладные воды Средиземного моря. Но Тиран, словно угадывая это их желание, казалось, специально тянул время, тем самым умножая их страдания.

— Кого он казнит? — обреченно перешептывались придворные. — Его или нас?

— Всех... И себя тоже... — слышался чей-то смелый ответ.

«Что мне с ним делать? — мучительно думал тем временем Тиран, сидя по грудь в теплой воде (его задумчивая фигура уже начала скрываться в клубах пара, словно он находился в римских термах). — Просто так отпустить я его не могу... Перерезать ему горло — слишком просто, пошло и опасно... Он все-таки из царского рода. Может возникнуть ненужный дипломатический скандал с Афинами... Хотелось бы его унижить так, чтобы он потом подняться никогда не смог... Продать в рабство! Вот идея! Для его самолюбия кончить дни в рабских цепях хуже некуда... А для пущего посрамления отправлю его в рабство в его родной город Эгину... Представляю себе картину: в порт прибывает корабль, он, униженный и оскорбленный, в цепи закованный, выходит на пристань... И тут бац... Нет... Его, конечно, выкупят его друзья, и я тем самым смогу избежать дипломатического скандала...»

Тиран встал. Трон под ним медленно поплыл куда-то в сторону. Он оказался деревянным. И тут не обошлось без обмана.

— Наконец-то решил! — Чуть было не перекрестился истомившийся в бесконечном ожидании Дион.

— Философ! Приговариваю тебя к смертной казни! — торжественно произнес Дионисий, хотя падающие на их головы горящие головешки намекали на необходимость скорой эвакуации. — Тебя отвезут на Эгину, а поскольку твои Афины сейчас воюют с ней, то тебя как гражданина Афин там должны будут убить на месте... Таково мое окончательное решение. Обжалованию оно не подлежит...

— А почему бы тебе его просто здесь не оставить? — задал провокационный вопрос его сынишка, потирая зашибленное отцовской рукой ухо. — Он бы сгорел вместе с Сиракузами, и все дела!

— Побереги свой любопытный нос для другого раза! — Сурово взглянул отец на сына. — Будешь его совать не в свои дела, в следующий раз прищемлю его какой-нибудь случайно упавшей статуей... — и, обратившись к Диону, добавил: — Не будем злоупотреблять хорошим... Мера должна быть во всем. Даже в самом лучшем... Приговор вынесен. Теперь можно пойти и окунуться в прохладном море и смыть пот трудов праведных...

И неразлучная тройца наперегонки побежала на берег, по дороге срывая с себя грязные от пота и копоты одежды. Дело было сделано. Теперь можно было и расслабиться...

* * *

Философа тем временем поспешно доставили на корабль спартанского посла Поллида, отправляющегося на Эгину. От имени Тирана послу было приказано продать арестанта в рабство. «Не беспокойся, — передали ему слова Дионисия воины, — он так погружен в философию, что даже не заметит этого...» Поллид пожал плечами и обещал выполнить приказ грозного сиракузского владыки. Тиранам отказывают только в исключительных случаях. «Философ, — справедливо рассудил посол, — не понесет никакого ущерба, так как, будучи человеком справедливым, он и в рабском состоянии будет испытывать счастье...»

В тот же час быстроходная триера отплыла из охваченных пожаром Сиракуз, увозя в безопасное место единственного на тот момент в этой части мира Философа, который попытался стать политиком, но проиграл действующим политикам по всем параметрам и статьям.

— Значит, это действительно не мое дело... — трезво рассуждал Философ, прикованный теперь уже к деревянной мачте корабля. — Значит, политика еще не доросла до высоты моих философских мыслей и не способна постичь глубины моих идей! — Морские брызги то и дело долетали до него через борт корабля и увлажняли раскрасневшееся от жары лицо. — Займусь-ка я лучше воспитанием политиков новой волны... — решил он, в последний раз бросая свой взгляд на пылающие Сиракузы. — Эй! — зычно крикнул он куда-то в морскую даль. — Кому нужен философ?! Кто нуждается в мудром наставнике?! Учу философии, этике, логике, политике... Политические дурни! Откликнитесь! У вас нет мозгов? Я иду к вам...

ОКСФОРД

Король Англии Генрих VI Ланкастер каждое утро стоял перед сложной и практически неразрешимой проблемой: он постоянно выбирал, в какое зеркало ему нынче смотреться, чтобы узнать себя прежнего. Вот и в это чудное двадцать первое майское утро 1460 года он мучительно пытался определиться с выбором и трясущейся

рукой перебирал лежащие перед ним на сафьяновой подушечке двадцать четыре зеркала. И когда песок в часах начал на его глазах стремительно таять, он наугад схватил последнее, что ему попало под руку, зеркало и с замиранием сердца заглянул в него:

— Нет... Опять это не я... — вновь не признал себя в своем зеркальном отражении король и в отчаянии швырнул зеркало обратно в ящик. — Ну, что ж такое... Что за несчастье...

На лице короля воцарились полнейшая беспомощность, сумятица чувств, хаос мысли, приправленные «соусом» из смертной тоски и отчаяния. Он капризно посмотрел на свою тень, и она в растерянности пожала ему в ответ плечами. Его величество тяжело вздохнул и потерянно уставился на пустую стену. Он так мог стоять часами. Печалиться и отчаиваться было его будничным занятием, ибо вот уже несколько лет, как он безнадежно искал себя, позабытого где-то в вихре гражданской войны Алой и Белой розы, но видел лишь повсюду чужие омерзительные морды, рожи и хари. И ни одного приличного лица, даже в его собственных зеркалах.

За спиной короля появился его лечащий врач в очень пестром, просто кричащем от придворного неприличия наряде.

— Ваше величество... Пора... — вкрадчиво произнес он. — Консилиум докторов уже вас ожидает...

— Не хочу! — закапризничал король. — День опять не задался... — попытался он объяснить своему личному психотерапевту причину своего плохого настроения. — Можно уже ложиться спать... Кругом опять одни лишь только маски! Кругом опять одна только фальшь!

Но врач, взяв его под руки, властно повел его к выходу. Генрих по-детски захныкал, но безвольно повиновался.

— Как персональный доктор по вашей королевской личине, — доходчиво объяснял «эскулап», — я должен разыскать то единственное ваше лицо, которое было вами утрачено в ходе бурной политической истории, и наконец установить, откуда взялись все эти маски...

— Говорят, за моей спиной идет какая-то война роз? — по пути на консилиум поинтересовался король у своего врача. — Это правда? Я все никак понять не могу, как это розы могут воевать? Они что, колют друг друга своими острыми шипами только из-за того, что одна из них белая, а другая красная? Дурной садовник... Хороший садовник давно вывел бы сорт какой-нибудь нейтральной чайной розы...

Не обращая внимания на его болтовню, «целитель» вывел его во двор Оксфордского замка, в центре которого возвышался накануне наспех сколоченный деревянный помост, на котором виднелся ярко-алого цвета трон, весь убранный белыми розами. От помоста шел запах свежеструганных досок вперемежку с ароматами цветов и утренней свежести.

— Что у нас сегодня? — поинтересовался у своего поводыря король, словно речь шла о меню предстоящего званого обеда.

— Философский диспут...

— В чем смысл этого лечения?

— Прочистить вашему величеству мозги...

— Ты же знаешь, мои мозги ничем не прочищаются...

— Я не сказал, что мы будем чистить ваши мозги, сир! Мы будем с вами вычищать авгиевы конюшни глупости из мозгов оксфордской профессуры...

Заинтригованный этим разворотом дел король уселся в приготовленное для него кресло и предоставил слово своему главному гиду по жизни. «Врач» поспешил зайти за королевский трон, из-за которого тут же вперед вышел любимый королевский шут.

— Разрешите представить главных действующих лиц сегодняшнего представления! — объявил о начале их спектакля шут. — Судья! Прокурор! Адвокат! Эти роли сегодня буду исполнять я сам, в трех личинах одновременно, — доверительно шепнул он королю на ухо. — Городской палач! — представил он человека в красной маске, стоящего у подножия помоста. — Подмастерье палача! — обратил он королевское внимание еще на одного персонажа их комедии, мальчугана лет восьми застенчиво выглядывавшего из-за спины мастера заплочных дел. — Истцом у нас сегодня выступает Мудрость, — шут многозначительно поклонился королю. — Ответчиками — Глупость... — Оратор указал на еще троих участников этого необычного процесса, находящихся у подножия их помоста.

Безумный король рассеянно посмотрел на указанные «предметы» и вновь увидел одни театральные маски.

Эти самые «маски» были настолько необычными, что нуждаются в нашем специальном представлении. С трех сторон от помоста, который занимал его величество король Англии и Франции Генрих VI Ланкастер, стояли вкопанные в землю столбы, к каждому из которых было привязано по одному осужденному — двое стояли в пестрых нарядах еретиков, третий был одет в просторный черный балахон, и лицо его скрывала черная маска с огромным носом-клювом, какую обычно носили в те времена врачи во время эпидемии чумы. Арестованные стояли, уже обложенные дровами и сухим хворостом, которые были обильно политы смолой и маслом. Вся эта картина представляла собой весьма взрывоопасное зрелище. Черкни огнем, и все...

Лица двух еретиков были хорошо известны в Оксфордском университете. То были профессор теологии Блюм, декан богословского факультета и профессор Шум, декан юридического. Как шутили в университете, это были немецкие цветы, пропахшие иорданским чесноком. Личность третьего была неизвестна, поэтому оставим ее пока в состоянии инкогнито.

— Помолимся, братья! — обратился ко всем шут, прикидываясь служителем культа. — Господи! — нарочито простер он руки к небесам. — Дай нам всем разума настолько, чтобы можно было познать свою собственную глупость и оценить Твою великодушную милость. Допусти нас к источнику мудрости и избави от соблазна всезнайства... Дай меру, чтобы не увлечься пустословием, и вдохновение, чтобы испытать глубину творческого экстаза... Ткни нас носом в наши собственные ошибки и раскрой коварные замыслы наших недоброжелателей... А самое главное, не дай нам утонуть в навозной куче нашей глупости... Аминь!

— Аминь! — перекрестился король.

— Вчера во время диспута в стенах Оксфордского университета, — продолжал далее свою вводную речь шут, искусно изображая из себя Судью, — многоуважаемые ученые высказали диаметрально противоположные точки зрения по весьма щекотливому вопросу современности. Мы услышали много как «за», так и «против», но так и не пришли к единству мнения. Чтобы ускорить процесс добывания Истины, мы решили сегодня провести это выездное судебное заседание Верховного королевского суда, дабы после наука не могла обвинять власти в том, что они не заботятся о ней и не помогают ей в поиске этой самой пресловутой Истины... Университет, — шутовской Судья демонстративно указал пальцем за стены замка, — с нетерпением ждет нашего справедливого решения. Поэтому, джентльмены, помолясь, приступим к научным нашим дознаниям...

Вступительное слово Судьи объяснило много из того, что в тот день происходило во дворе Оксфордского замка. «Актеры» были все расставлены по местам, режиссер ловко дергал всех за веревочки, публика в отсутствие обещанного хлеба жаждала зрелища. И оно началось с этого незатейливого пролога.

— Поскольку мы будем сегодня выяснить «pro et contra», — обратился Судья к ответчикам, — то один из вас, тот, что справа, будет у нас Pro, тот, что по центру, — он указал на человека в черном, — будет Et, а тот, что слева — станет Contra...

Король с интересом разглядывал подсудимых, пытаясь угадать переживаемые ими в этот момент эмоции. Однако понять, что у них царит в душе, ему так и не удалось, поскольку он сам попеременно был то судьей, то адвокатом, то истцом, то шутком — кем угодно, но только не самим собой. Страх и трепет были перемешаны в лицах обвиняемых настолько, что они становились просто неузнаваемыми. Это были обреченные с подавленной силой воли и вконец расстроенной психикой.

— А ты уверен, что это правильный научный диспут? — поинтересовался король у Судьи.

— Вас, ваше величество, что-то смущает?

— Да, я думаю, что им, наверное, весьма неудобно стоять связанными на куче этих дров и соломы...

— Ну что вы, ваше величество! Вовсе нет! Напротив! Поскольку они находятся на грани смерти, то это пограничное существование придает им остроту чувствования пульса их брэнной жизни, — попытался объяснить ему суть происходящего Адвокат. — Вчера они спорили совершенно безответственно, наивно полагая, что все еще у них впереди... А сегодня они крайне серьезны и абсолютно ответственны, ибо на кону стоят их жизни, которые для них уже оказалась все позади... Перед лицом смерти, как известно, человек не врет, а ищет правду... Угроза костра должна придать их мысли краткость и оригинальность, а саму жизнь сделать более осознанной... Так сказать, придать их жизни перца, остроты...

— А этот человек в черном? Кто он?

— Он еще скажет в конце всего нашего представления свое веское слово... — уклонился от прямого ответа шут. — За каждый неправильный ответ, — обратился он уже к испытуемым, — мы будем поджигать по одной соломинки в ваших дровах, чтобы вы почувствовали остроту переживаемого вами исторического момента... Так что старайтесь отвечать лаконично и точно... Спешу заверить вас, джентльмены, что лжец будет сегодня непременно сожжен, а правдолюб вознагражден за свою приверженность к истине...

У участников научной дискуссии от страха все пересохло в горле. Они находились в полубморочном состоянии и уже плохо вообще соображали, что с ними происходит. Их высокий в схоластике разум наотрез отказывался верить в реальность происходящего с ними абсурда.

— Бред... — бурчало себе под нос отчаявшееся Pro.

— Абсурд... — соглашалась с ним испуганная Contra.

— Итак, приступим... Высокий суд интересуется две проблемы: первая — сквернословие оксфордской профессуры, порочащее святые стены данного университета, и вторая — поношение властей, — напомнил подсудимым Прокурор. — По первому вопросу — сквернословию — у нас есть свидетели, которые показывают, что вчера кем-то из вас было произнесено имя мерзопакостного еретика и язычника... Платона! Святотатцы! — возопил Прокурор, грозно потрясая своим кулаком. — Да, как вы вообще посмели такое изречь! И как вы теперь объясните нам присутствие этого скверного звука в святых стенах Оксфордского университета?

— Никто из нас не хотел осквернить Оксфорд именем этого еретика... — трепещущим от страха голосом отвечал Pro. — Мы лишь повторили слова нашего великого учителя Аристотеля, который сказал, что «Amicus Plato, sed magis arnica veritas». Если истина дороже Платона, то его философия ничего не стоит. Точнее, стоит ровно

столько, сколько стоит его дружба с Аристотелем... А это должен был решать уже сам Аристотель...

— А разве он сам не решил? — поддержал его второй обвиняемый в ереси грешник, о котором в университете говорили, что он «декан факультета загадочных искусств и воздушной риторики». — Разве он не пошел другой дорогой, чем той, по которой шел старик Платон?

— Но Платон вольнодумствовал, а Аристотель был человеком строгой научной дисциплины! — опять влезла в дебри схоластики Про. — А разве не смеялся над Платоном его учитель Сократ, обвиняя его в придумывании всяких о себе небылиц? Поэтому истина Аристотеля пред вздором Платона вещи совершенно несовместимые...

— Господа ученые! Мне кажется, что вы занимаетесь какой-то постыдной риторикой... — не принял их объяснений Судья. — Вы отлично научились попусту сотрясать воздух... Но он и без вас засорен мусором идей! Хотелось бы что-то конкретного и осязаемого...

— Да, господа, — поддержал его предложение и Прокурор, — отрекитесь от пагубного своего словоблудия! Перейдите на сторону конкретики здравого смысла!

— Мы бы рады. Но мы не понимаем, чего вы от нас хотите! — пожаловался суду один из обвиняемых.

— Мы тоже сами пока еще не понимаем, чего от вас хотим! — по-честному признался ему Судья. — Но мы в отличие от вас суду не препятствуем, а искренне стремимся разобраться в этом деле...

— Так и мы тоже на стороне правосудия! — запричитал декан богословского факультета. — Я сам член комиссии инквизиции! Я сам отправляю еретиков на костер! У меня перед святым престолом есть неоспоримые заслуги! Я самолично осудил триста пятьдесят еретиков и четыреста восемьдесят ведьм! — кичливо похвастался он.

— Суд учтет эти ваши заслуги перед английской короной! — заверил его Судья. — Но это не освобождает вас от ответственности за словоблудие, которое является тягчайшим преступлением перед истиной. Словоблудие — это навозная жижа, в которой тонет истина... Этим навозом прикрывается ученая глупость. Поэтому суду нужны более веские доказательства вашей учености... Мы по горло сыты вашим навозом...

— Да, здравствует наша непобедимая схоластика! — наперебой заголосили подозреваемые. — Виват физике Аристотеля! Аристотель — наше все! Vivat Academia! Vivant professores!

— Не надо! — сурово остановил их Судья. — Не надо нам этой вашей демагогии!

— Да, да, господа, поскромнее! — призвал их к порядку и Адвокат. — Иначе мне нечем будет вас защищать... Вы жрете «хлеб» моей адвокатской аргументации такими темпами, что у меня на руках больше не осталось никаких веских возражений...

— Так, нам поджигать дрова или не поджигать? — растерянно переспросил их палач, устав держать в руках зажженный факел.

— Да подожди ты! — Отмахнулся от него Судья. — Не видишь, что ли? Заминка вышла...

— Вот идиоты! — откровенно смеялся над ними человек в черном.

— Выводы будем делать позже... — сурово взглянул на него Судья. — Теперь представим слово стороне обвинения...

* * *

Вперед выступил Прокурор и с весьма важным видом открыл свой красноречивый рот:

— Из прошедших дебатов стало ясно, что что бы мы ни делали в схоластике со схоластикой, все равно получим помой вранья и выгребные ямы глупости... Поэтому приступим к рассмотрению второго вопроса — поношения властей... Вчера на следствии вами было сказано, — продолжал слуга Фемиды свой безжалостный обвинительный допрос, — что философия — продажная девка политики. Для достижения истины следствие приняло решение провести эксперимент, дабы на практике убедиться в достоверности или ложности этого утверждения... Введите сюда задержанную гражданку «Философию»...

Королевская стража растворила ворота подземелья и копытами выгнала на площадь собранных со всей округе профессиональных куртизанок и просто гулящих баб.

— О! — удивился король, не ожидавший увидеть сразу столько красивых «философий». — А почему их так много?

— У каждого философа своя ведь философия на уме... — вкрадчиво объяснил ему Судья. — На любой вкус... Кому-то нравятся темненькие, кому-то светленькие, кому-то худенькие, а кому-то и полновесные... доводы...

— А почему они все голые? — заметив женскую наготу, задал новый вопрос венценосец, не замечая, как легкий румянец стыда покрывает его щеки.

— Так мы же будем ведь искать голую правду, сир! А в наготе корысть не утаишь... — последовал вполне логичный ответ. — Только голая правда может удовлетворить наш разум в его требовании обрести Истину.

Все (даже и приговоренные к столбам позора обреченные) заинтересованно обратили на женскую толпу внимание, с интересом рассматривая то, что обычно делали за деньги.

— И что нам с ними теперь делать? — поинтересовался король. — Неужели придется заглядывать в каждую, чтобы установить истину?

— Вот! Вот в чем проблема! Была бы она у нас одна, мы бы знали точно, что нам с нею делать и как применить на практике! — философски высказался шут. — А когда их у нас столько много, мы теряемся в выборе и не знаем, на чем остановиться и какой отдать свое предпочтение... Вот что, прикажите, что нам теперь с ними делать? — Заскреб он у себя в затылке.

Король тоже озадаченно почесал в том же месте и предложил:

— Надо из всех этих шлюх найти самую приличную...

— А я бы озадачился поиском самой лучшей... — поправил его шут.

— Нет, самой лучшей как раз и будет самая приличная... — настаивал на своем монарх. — Самая подходящая для нынешнего состояния нашего разума...

— А где гарантия того, что эта «безобидная овечка» не навредит нашему разуму больше, чем самая закоренелая злодейка? — Тут же нашел что ему возразить его собеседник. И тут же пояснил королю свою мысль: — Я не о бабах, я об идеях...

— Тогда «пастух» должен будет ее...

— В том-то и состоит вся прелесть верховной власти, что она может запретить любую их них... Отменить закон природы нельзя, но запретить его к использованию можно... — весьма игриво, словно издеваясь над действительностью, объяснил королю шут. — Можно, например, сжечь книги неугодных философов, которые, по мнению властей, вредят общественному здоровью и подтачивают устои власти. Понятно, что можно отправить на костер самого философа, но как вытравить из мозгов уже засевшие и пустившие там свои корни идеи? Когда философия начинает сама вести себя аморально, долг власти посадить ее в клетку и утопить, дабы чума сомнения не могла распространиться от ее пагубных идей... Поэтому этих дам мы можем или всех разом утопить в реке, или раздать каждому нуждающемуся...

Стража загнала всех женщин в железную клетку, стоящую на краю каменного выступа, у подножия которого мирно катил свои воды полноводный Исис (Темза).

— А какое из этих двух решений принесет нам, то есть всему человечеству, больше пользы? — поинтересовался у своего советчика король.

— Все зависит от того, как на это посмотреть... — поскреб опять свой затылок комедиограф. — Если мы их всех утопим как женщин, то в нас восторжествует животное начало... Если как блудниц, то возрадуется мораль всех ханжей... Если мы попытаемся их уничтожить как «Философию», то обломаем себе зубы, ибо истинная мудрость неуничтожима, а достоверная глупость сама себя кончает... Отпустим на свободу как жриц любви, посеем разврат и шабаш в народе... Дадим свободы схоластической мысли, и все потонет в словоблудии... Вот жертвы схоластического словоблудия. — Шут указал на профессоров Оксфордского университета, которым даже не давали открыть рта, чтобы высказаться в свою защиту. — Вчера они были свободны, сегодня в узилище! Вчера они были красноречивы, но не убедительны. Сегодня они лаконичны, и им хочется уже верить... Вчера я сам чуть было не сошел с ума от их словесного поноса, сегодня сходят с ума уже сами они, но уже от нашего маразматического представления... Так доведем этот спектакль до полного абсурда, чтобы понять абсурд, царящий в нас самих...

— Слушайте, а у нас нет ничего выпить? — попросил король стакан вина. — На трезвую голову я столько информации никогда еще не получал...

— Я тоже политику понимаю только подшофе! — признался человек в черном. — Как протрезвею, опять ничего не понятно... Ощущаю себя полнейшей политической проституткой...

— Выражение «политическая проституция» несколько вульгарно... — деликатно поправил его король. — Приличнее, на мой взгляд, было бы говорить, что это многовекторная политика с динамичным импульсом движения...

— Ба! — Только и успел открыть от удивления рот шут. — Это где ж мы такое вычитали?

— Я это понял, когда наблюдал за поведением своей жены и ее любовников... — искренне, ничуть не сумятысь, признался король.

— Да, как ни скажи, она от этого не перестает быть сама собой... — тяжело вздохнуло черное Ет.

Шут поднес монарху потребованный кубок вина, пронес его мимо его носа и сам жадно отхлебнул из него. Генрих облизнулся и, сглотив скопившуюся в нем жажду, с надеждой продолжал смотреть на вожденный бокал вина.

— Мы с тобой как два закоренелых дурака, ты — по призванию, я — по профессии, — тем временем доверительно делился с королем своими соображениями шут, — должны понимать, что самая главная отличительная черта, которая отделяет человека от зверя, это наличие или отсутствие в нас морали. Стоит лишь переступить через эту красную черту, и все, ты уже зверь! Человеку всегда бывает стыдно за свое животное происхождение, и он всегда испытывает гордость за то, что в нем потенциально заложена ангельская перспектива... Но последнее лишь перспектива, тогда как первая — данность рождения... Вот, например, эти наши сегодняшние бесстыдницы... — Шут перевел внимание короля с высокой материи на земную. — Они наги сейчас по принуждению, но в прошлом они обнажались по призванию. Поэтому их род занятий и считается самым позорным, что он попирает всякие нормы стыда.

— Следует ли это понимать так, что чем больше в философии морали, тем ближе она к своему идеалу? — переспросил его король, притягивая к себе чашу с вином.

— Есть и такое мнение среди философов... Например, Сократ...

— Друг мой! Да вы у нас и сами Сократ! — сделал ему лестный комплимент венценосец.

— Я всего лишь нахватался впопыхах всяческих идей, случайно посетив вчера стены Оксфордского университета... — откровенно признался ему тот. — Но я всего лишь шут! Человек не менее презренной профессии, чем та, которой занимаются эти несчастные женщины... Я лицедей, и моя профессия — веселить людей, меняя, как в калейдоскопе, маски...

— Но благодаря тебе я понял одно — философии без морали не бывает... — В глазах Ланкастера появился какой-то огонек здравого мышления. — Философия — это мораль, возведенная в ранг наивысшего достоинства. Все самое ценное, что есть в философии, так или иначе связано с моралью, ибо идет через систему проверки совести самого философа. Совесть — это гвозди, которыми каждый распят к дереву собственной жизни. Философия не терпит торга, тогда как политика изначально продажна...

— Вам как профессионалу, конечно же, видней, что и как творится в мире высшей политики, ибо вы ее, сир, сами творите... — согласился шут. — Мне вообще кажется, — доверительным тоном признался королю дурак, — что политику придумали правители, чтобы не умереть со скуки...

— Да, но мораль — это ответственность, а в политике быть ответственным крайне трудно... — посетовал король. — Обстоятельства не позволяют, пройти между Сциллой и Харибдой и остаться человеком... Чаще всего из этих жерновов выходит не человек, а закаленный жестокостью и пропитанный коварством новый зверь...

— Надеюсь, что вы теперь понимаете, почему политика стремится в своей повседневности обходиться без философии. — Шут допил вино до конца. — Потому, что от нее у власти всегда бывает больше головной боли, чем радости...

— А что может политике принести радость?

— О! Политика самодостаточна, сир! — начал со знанием дела объяснять венценосцу его штатный придворный дурак. — Главная радость в политике — это победа! Торжество над поверженным врагом, которым в любой момент может оказаться твой ближайший друг или родственник. Поэтому ни друзей, ни родственников в политике нет и быть не может... Здесь все продается и все покупаются. Причем те, кто покупает, готовы уже через минуту сами продаться более на тот момент сильному. И так ведется испокон веков, от самого грехопадения...

— Да, ты прав... Это самая горькая профессия на свете... — сочувственно вздохнул король.

— Причем грех политический старше греха человеческого...

— Это как?

— Кто был первым предателем?

— Ну, этот... самый... рогатый...

— Ну, так... — многозначительно намекнул шут.

— А...

— Вот и получается, что политику создал дьявол, а науку о ней — архангел Михаил, дабы с ее помощью побороть чары сего дьявольского наваждения...

— Слушайте! Смените тему! — взмолился человек в черном. — У меня уже кошки на душе скребут от этих ваших премудрых рассуждений... Давайте лучше выпьем...

— Не нравится — не слушай! — небрежно бросил в его сторону король. — Заткни уши и посапывай в свои две дырочки...

— Ему неприятно это слышать, потому, что он сам великий греховодник... — намекнул на его род деятельности шут.

— Сир! Вы — правитель! Мы — ваши подданные... — поднял свой голос Ет. — Прикажете своему шуту заткнуться, иначе я за себя не ручаюсь...

— В самом деле! Я правитель? — удивился услышанному король.

— А стал бы кто с тобой так нянькаться, если бы ты не был королем? — Ехидно пожал плечами возмутитель спокойствия королевского разума. — Был бы ты простым человеком, давно бы уже сидел в сумасшедшем доме. А так из-за тебя уже вся Англия сама сходит с ума...

Король почесал свою массивную нижнюю челюсть, предназначенную больше всего для колки грецких орехов, чем управления страной. Он как-то раньше не замечал, как он управляет страной. Она сама собой как-то и без него управлялась. Но видать, из ряда вон плохо, раз даже розы разругались и перессорились между собой.

— Почему политика продажна? — задал король сам себе вопрос, на который попытался тут же и ответить: — Потому, что торгуется хорошо. Она приносит самый большой доход. Мораль в политике — юродство. Это я подумал о себе! — Тут же поймал себя на посетившей его мысли монарх Туманного Альбиона. — Но я человек, а затем уже король... А многие политики мнят и видят себя королями, оставаясь простыми смертными существами...

— Лев плевать хотел на мораль! Ему надо кушать! — Трясло тем временем в праведном гневе черное Ет. — Он так устроен! Он иначе никак не может... А это все — пустая болтовня двух идиотов, которым нечем заняться...

— Он нас, сир, назвал «идиотами»! — Шут обратил внимание короля на реплику их третьего собеседника. — Древние греки так называли человека, который жил в отрыве от общественной жизни и не принимал участия в общем собрании граждан своего полиса... В этом смысле он прав. Мы оба с тобою идиоты. Но ты не обижайся, ведь идиотами были многие мудрецы прошлого, которые уходили из этого мира ради постижения великих истин: Гераклит, прости Господи, Платон, да и сам Аристотель под конец жизни, устав от политических бурь, бежал из Афин на «необитаемый» философами остров...

— Так, быть может, мне тоже куда-нибудь убежать? — мечтательно помыслил вслух король. — Скрыться на каком-нибудь необитаемом острове идиотов?! Или уйти с бродячим цирком или с цыганским табором...

— Тогда во всем у нас будут виноваты цыгане...

— Да... — охотно согласился с ним король и тут же добавил: — Цыгане и пиво...

— А при чем здесь пиво? — удивился шут.

— А при чем здесь цыгане? — Пожал ему в ответ плечами король.

— Покинув трон, вы совершите предательство в отношении тех, кто стоит возле него...

— А разве те, кто стоят возле трона, сами не совершают предательства в отношении того, кто на троне, когда дурно о нем думают, а пуще того, когда дурно против него поступают?

— Согласен... Политика — это организованное преступление против морали, заключающееся в предательстве ее ценностей...

— Если мораль — это и есть человек, то, предавая мораль, политика предаёт все человечество... Вот и получается, что политическое предательство не имеет оправдания и срока давности...

— Выходит, что всех политиков без суда и следствия надо класть под топор... — Шут игриво посмотрел на палача.

Тот оживился и, выступив вперед, громогласно заявил:

— Всегда готов!!!

Шут высокомерно на него посмотрел и брезгливо наморщил лоб.

С английских небес заморосил мелкий осенний дождик. Страна вечной осени поливала своих подданных своим майским дождиком, на который они по привычке уже не обращали никакого внимания.

— Тогда получается, что во всех наших бедах всегда виноваты наши власти! — У короля расширились зрачки его безумных глаз. — Но этого не может быть, потому что этого быть не может... Англия всегда права! Она ни в чем не виновата! Виноваты наши соседи, которые завидуют нашей хорошей жизни, поэтому всегда вставляют нам палки в колеса! — У короля все внутри похолодело, он разнервничался в поисках разумного оправдания собственной власти. — Так мне говорили с раннего детства мои наставники...

— Тебя послушаешь, так мы все тут белые и пушистые овечки! — усмехнулся пересмешник в шутовском колпаке. — Но что тогда делают наши войска во Франции, Ирландии и в Шотландии? Англия — это ягненок, который пьет кровь у всех местных волков! Признаемся честно: мы тоже сами «хороши»... Мы тоже, когда надо, кому надо вставляем, куда надо...

— Все это клевета наших завистников! Только мы обладаем монополией на истину в ее окончательном значении, — продолжал далее король по памяти воспроизводить заученные еще с детства тезисы британского геополитического превосходства. — Поэтому по своему происхождению истина была, есть и будет англосаксонкой! Мы — носители истинных культурных ценностей, и за нами моральное право решать, кто прав, а кто виноват. Это очевидно! Право сильного еще никто не отменял... И тот, кто оспаривает это наше бесспорное право, просто безумец...

— Нет, ну кто ж против этого будет в здравом разуме возражать! — охотно согласился с ним его незнакомый собеседник в черном. — Я первый тому, кто против этого возразит, перегрызу глотку!

— Вот потому и идет на свете грызня, что есть такие хищники, как вы, мессир... — намекнул на его род занятия шут.

— Да не будь нас, политиков, мир давно бы уже заплесневел! — воскликнул человек в черном. — Чего вы из нас делаете исчадия ада? Мы все грешники. Весь мир — один сплошной грех! А вы изображаете из себя двух философов-идиотов, озабоченных его спасением...

По властному тону речи и характеру манеры поведения этого черного Ет и невооруженным глазом было видно, что он необычный «арестант». Именно его дурачившийся со всеми шут опасался больше всего. Поэтому никогда не поворачивался к нему спиной.

— Мессир! — деликатно обратился шут к этой «черной персоне» их трагикомической истории. — Ну, дайте нам хотя бы пять минут побыть чистыми и праведными! Вернуться к вам, в ваш мир греха и разврата, мы всегда успеем!

— Значит... — пытался далее логически рассуждать король, — предательство является краеугольным камнем политики...

Шут на секунду призадумался и после выдал:

— Ну да... Предательство — замковый камень всей политической архитектуры... Но что такое предательство в политике? Это способность своевременно пересмотреть свои взгляды на предмет политического торга и вовремя скорректировать свою позицию, чтобы ее не ухудшили другие лица и не контролируемые тобою обстоятельства. При этом здесь важно понимать, что предательство в одиночку не ходит и что наряду с твоим предательством существуют еще предательства других, число которых не поддается математическому анализу. Если, к примеру, я вознамерился кого-либо предать, то это означает, что этот кто-то утратил мое доверие и я уже к нему не расположен так, как был к нему расположен тогда, когда был верен данному ему слову...

— Да, на предательстве построена вся наша современная политика, — согласилось с ним черное Ет. — Сегодня многие просыпаются сторонниками Белой розы, а засыпают уже сторонниками Алой розы... Йорки—Ланкастеры, Ланкастеры—Йорки...

И так много раз... Все давно уже забыли, кто кого и сколько раз предавал и кто кем является на самом деле...

Только сейчас король пригляделся и заметил в петлице у человека в черном небольшую алую розетку. Он перевел взгляд на палача и его подмастерья и обнаружил такие же знаки отличия и у них.

— Я не оправдываю предательство, — поспешно пояснил свою позицию шут. — Я лишь пытаюсь понять душу предателя. Всегда ли он один виноват в своем скверном поступке, или есть вина и у того, кого он предает?! — Шут поправил попавшуюся королю на глаза алую розетку и продолжил: — Если я предаю зло и ложь во имя истины и добра, будет ли мораль меня за это осуждать?

— В частной жизни такое возможно, — допустил человек в черном и тут же возразил: — Но где ты видел подобное в политике?

— Но и политикой тоже занимаются люди... — резонно заметил ему на это король.

— Мы же только что установили, что без морали человек — зверь, — напомнил всем шут. — А в политике власти сами охотятся и безжалостно истребляют любые проявления морали... Политика — это зона, свободная от морали. Признайтесь, мессир, вам приятно испытывать чувство свободы от морали как ощущение личного превосходства над всеми остальными?! — Пересмешник в упор смотрел на черное Et. — Ощутить свою безнаказанность и возможность собственными руками творить историю...

— Политика? — Человек в черном задумался. — Да, она дает власть, свободу, богатства... Поэтому политика — дело грязное и черное... Тут кто-то спорит о морали. Так вот, хочу со всей ответственностью заявить — в политике мораль всегда на стороне сильного...

— Вот почему в политике так много изнасилованной морали... — ехидно заметил шут.

Подмастерье палача понял этот упрек как приговор и направился было с факелом к человеку в черном, чтобы подпалить его солому.

— Ты куда огонь прешь! — сурово цыкнул на подмастерья черное Et, да так, что у него затрясся его огромный клюв.

— Ой, извини, папа! — быстро сориентировался тот. — Я не расслышал...

— Дай ему затрещину! — велел тот палачу. — И следи за братом, а то у него руки чешутся чего-нибудь подпалить...

— А вас не смущает, что в раю нет ни одного политика? — поинтересовался у черного незнакомца король. — Рай для них, как служителей дьявола, закрыт.

— Жизнь вообще жестокая вещь, в которой выживает сильнейший. Ты или лев, или его закуска... — Был по-прежнему невозмутим человек в черном. — Слабовольных политика не жалуется. Она любит, когда ее насилюют такие, как Цезарь или Вильгельм Завоеватель! Вот почему политика — это любимая игрушка королей и аристократии. И хорошо, что ею занимается только одна знать. Нам всем будет хреново, когда политикой займется его величество народ! Этого «зверя» может остановить только чума.

От этих слов королю стало не по себе. Настолько не по себе, что он вспомнил всю свою родословную аж до тринадцатого колена...

— Милый шут! — обратился король к своему собеседнику, демонстративно отворачиваясь от незнакомца в черном. — Уж больно все как-то мрачно и гадко выходит у нас с политикой... В моей голове не укладывается все это безобразие... Ты, наверное, специально придумываешь такие страшилки, чтобы испугать меня и испортить мне настроение...

— Сир! Вы живете не в хрустальном замке на пустынном песчаном берегу... — попытался вернуть его к реальности шут. — Оглянитесь вокруг... Это Оксфорд... Англия...

Британия... Европа... Нельзя всю жизнь прожить в выдуманном мире и так и не узнать, что являешься жителем Земли...

Кем был этот шут? Не ведаем. Мы даже имени его не знаем (точнее — забыли спросить у Истории). Зыбучие пески обмана поглотили историческую память о нем. Но очевидно, что это была та самая редкая самодостаточная натура, способная творить не только самого себя, но и благоустраивать окружающий ее мир. Он был человеком, сам себе перерезавшим пуповину во время своего прихода в этот свет. Поэтому он имел смелость говорить в лицо начальству то, в чем оно само редко когда решалось себе признаться.

* * *

Их обстоятельный разговор был прерван нарастающим извне шумом. Крики доносились со стороны города, и это были крики приветствия горожан. Вскоре главные ворота замка широко распахнулись, и в них стремительно въехала целая кавалькада роскошно одетых всадников. На их фоне убогие рубища короля казались просто издевкой над историей.

Королевский герольд вышел вперед и громогласно объявил:

— Королева Англии и Франции Маргарита Анжуйская!

— Вот и жenuшка ваша блудливая сюда к нам пожаловала! — прокомментировал ее появление шут.

— Моя жена — женщина властная и характерная... — признался шуту король. — Я пластилин в ее руках...

Властную, но крайне непопулярную королеву Маргариту Анжуйскую народ и знать недолюбливали. Но в царствовании своего безумного супруга короля Генриха VI, очень многое делалось «именем королевы» («By the Queene»), того, что порядочный король никогда бы и в жизни не сделал.

— Принц Уэльский Эдуард! — продолжал тем временем герольд представлять прибившие персоны.

— И бастард твоей жены тоже сюда притащился! Ты вообще уверен, куманек, что это твой сынок!? — Затеребил короля за рукав его камзола «дурак».

— Герцог Сомерсет Эдмунд Бофорт и граф Уилтшир Джеймс Батлер! — объявил герольд и о появлении еще двух исторических персон Англии тех смутных времен.

— А вот и его благородные папаши...

— Хорошая компания — король, дурак и шут! — рассмеялся Бофорт, увидев, кто находится на помосте. — Чем на этот раз развлекаемся, джентльмены?

— Обучаем короля политическому коварству! — отшучивался шут. — Играем на «оргane» человеческих костей и страстей...

— И как успехи?

— Не тех учителей выбрали ему, — пробурчал себе под нос человек в черном. — Те, что сейчас прибыли, намного искуснее тех, что мы собираемся сейчас предать огню за их глупость...

— Так поджарьте вместе с ними и мозги этого недоумка! — злорадно расхохотался граф Уилтшир, бес всякого стеснения тыкая пальцем в сторону короля.

— Я бы вообще спалил весь Оксфорд, к дьяволу! — поделился своими мрачными планами герцог, презрительно окидывая взглядом Оксфордский замок. — Дрянной захудалый городишко...

— Милый! — Спешившись, подошла к королю Маргарита в ослепительно-белоснежном наряде. — Это я — твоя королева! Мы с кузенами ждем тебя к обеду. Заканчивай

эти свои важные научные дела и присоединяйся к нам... Люблю! — Дежурно чмокнула она его в щеку. — Соскучилась... Буду ждать... — Формально объяснилась она ему в любви. — Все! Пока, пока...

Выполнив прилюдно свой супружеский долг, королева в окружении своих любовников и поклонников шумно удалилась в королевские апартаменты Оксфордского замка, где для них были уже накрыты богатые праздничные столы.

— Конвой может быть тоже свободен! — После их ухода отпустил стражу шут-прокурор, и та послушно ему повиновалась.

Палач и его подмастерье с зажженными факелами стояли неподвижно, провожая взглядом хвост королевской свиты, постепенно исчезающий в центральных дверях Оксфордского королевского замка.

— А она красавица, эта ваша анжуйская королева! — обратился к королю человек в черном, самостоятельно освобождаясь от своих веревок, которыми он для видимости был якобы привязан к своему столбу. — Роскошная блондинка с душой черной пантеры... Франция всегда поставляла Англии первоклассных коронованных шлюх! Сколько она нам всем крови попила и сколько еще попьет! — Озабоченно качал он головой, снимая с нее свою черную маску. — Да, джентльмены! Позабавили вы меня сегодня этой комедией! Ой как позабавили!

— Вот так, мой Генрих! — Взял короля за руку шут. — Там твоя жена с твоими врагами пирует, отмечая свою победу, а здесь ты один, но со своими верными друзьями, которые тебе помогут... Настало время поставить все точки над «Et», — пошутил шут. — Надеюсь, ты узнал этого джентльмена? — Подведя короля к человеку в черном, представил он его. — Это твой кузен, Ричард Плантагенет, третий герцог Йоркский — главарь шайки Алой розы...

— Рад вас обнять, дорогой кузен! — На расстоянии поприветствовал короля герцог. — Но, к сожалению, не располагаю для этого необходимым временем. Очень спешу к себе в Йорк, в новый замок. Приглашаю вас, сир, на новоселье!

— Пойдемте, сир, у герцога Йорка есть правильное зеркало, — шепнул королю на ухо шут. — Все твои зеркала кривые, а у него правильное, прямое...

— Зеркало! Правильное! — с надеждой в голосе повторил король, как может трехлетний ребенок поверить в то, что ему говорят взрослые. — И я себя в нем точно узнаю? — Шут однозначно кивнул головой. — Тогда я с вами, джентльмены! — Добровольно пошел за своими похитителями король. — Идемте, идемте... — заторопил он всех. — Мне не терпится себя вновь увидеть здоровым и правильным...

— Н...да... Сеньор шут! — обратился к комедианту герцог, покидая Оксфорд. — Признаюсь, вы меня сегодня удивили! Вы мастерски сыграли со всеми свою шутку... Признаюсь, мне было бы крайне неприятно, если бы вы так пошутили со мной...

— Я еще дорожу тем местом, на которое надет мой шутовской колпак... — заверил его шут. — Но вы, мессир, совершенно не дорожите тем местом, на котором держится ваша герцогская корона! Так рисковать, так манкировать...

— Вся наша жизнь — риск! — усмехнулся герцог. — И чем больше в ней таких рисков, тем слаще она кажется... А вы, любезный шут, все в ней опошлили... Я давно вам хотел заметить: не превращайте политику в балаган. В политике все дороги и без того ведут в цирк, а вы еще и клоунов своих сюда притащили...

Все это время мучившийся зудом пиромании подмастерье, дождавшись, пока взрослые отвлекутся, воровато посмотрев по сторонам, украдкой швырнул оставленные без присмотра факелы сначала в одну поленницу дров, затем и в другую. Он хотел еще подбежать и по-быстрому столкнуть вниз железную клетку с томящимися ней перепуганными до смерти куртизанками, но для совершения этого подвига у него просто не хватило времени.

— Ричард! — Сурово взглянул на него отец. — Мы уезжаем! Опоздаешь, пеняй на себя, никто выручать твою паршивую шкуру не будет...

— Эй, а как же мы?! — попытались напомнить о себе привязанные к столбам профессора Оксфордского университета, чувствуя, как вокруг них начинает нарастать жар и клубы едкого дыма. — Суд так и не вынес нам своего приговора! Мы требуем оправдательного вердикта...

Но Фемида в тот день равнодушно отвернулась от них, отведя в сторону и глаза ветреней Фортуны. Никому до них уже не было никакого дела. Всех занимали уже другие более важные дела. Судьба играет только любимыми игрушками, а остальные пылятся в шкафу забвения.

Йорки поспешно покинули Оксфордский замок через подземелье, уведя с собой безумного короля Англии и Франции Генриха VI Ланкастера, которого его жена и кузены так и не дождались в тот день к обеду. Война Алой и Белой розы вступала в свой кульминационный момент. И вскоре главные участники этих событий должны были вновь встретиться, но уже на полях жестоких сражений, чтобы обильно оросить землю Туманного Альбиона своей голубой аристократической кровью.

Но в тот день они пока разошлись с миром, взяв небольшой тайм-аут.

А во дворе Оксфордского замка уже вовсю пытали два костра, на которых горели Pro и Contra тогдашнего мира...

МАРГАРИНОВЫЙ КОРАБЛИК... **(Рассказ-байка)**

Небольшой прогулочный катерок, застопорив ход, встал в дрейф напротив какого-то безымянного греческого острова. О его борт стали плескаться воды ласкового Средиземного моря. Послышались крики одиноких чаек и всплески резвящихся дельфинов. На борту было двое, и судя по всему — рыбаки из России.

— До прохода объекта осталось два часа тридцать пять минут... — взглянув на свои ручные командирские часы, произнес один из них, внешне напоминавший русского отставного генерала.

— Закинем удочки и порыбачим... — предложил второй, по виду ученый-ботаник. — Когда еще за казенный счет сюда нас отправят...

— И все-таки, Петрович, ты сказочник... — высказал свои сомнения первый, внимательно следя за своим поплавком. — Не верю я в эти ваши научные штучки-дрючки...

— Неверие есть подозрение в том, что у истины имеется двойное дно лжи... — возразил ему на это тот, кого мы определили как «ботаника».

— Пока не увижу собственными глазами, не поверю...

— Фома ты неверующий... — Покачал головой ученый и, взглянув на удочку, поинтересовался: — А кого мы сейчас ловим?

— Я забросил на нашу воблу... — равнодушно отвечал его собеседник. — Эти здешние анчоусы и тунцы мне что-то совершенно не по вкусу...

— Так откуда же в здешних водах взяться нашей вобле?

— Да мне все равно... Мы, что, с тобой на рыбалку сюда приехали?! Проведем эксперимент, смотаем удочки и поедим ко мне на дачу водку пить...

— А зря ты не веришь в силу нашей науки... — продолжил ученый отстаивать свою точку зрения. — «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...»

— Научная фантастика хороша тогда, когда она тебя не касается...

— А что такого стремного в моем изобретении?

— Ты хоть сам понимаешь, что ты изобрел и почему у тебя вместо корабельной стали получается маргарин?

— Ну... Моя работе еще далека от совершенства... — поправив свои интеллигентские очки, возразил в свое оправдание генеральский собеседник. — Ясно, что это оружие, основанное на каких-то новых, пока еще до конца не изученных физических принципах...

— Да какое оно там, на хрен, оружие? Баловство... Вот атомная бомба, то — ДА! ОРУЖИЕ! А то, что у тебя в твоём чемоданчике — так, детская забава... Смастерил из пластилина солдатиков и думаешь, что они настоящие...

— Это не научная фантастика, а научно-технологический прорыв... — с жаром продолжал отстаивать свою правоту «ботаник». — Это наука будущего... Сверхмощное оружие, основанное на новейших законах физики... Прибор способен на расстоянии менять химический состав физических элементов... Мы первые, кто до этого додумались... Это тебе не «мышкой» Facebook «керосинить»... Это, брат, тебе новая реальность!

— Ну да, — усмехнулся себе в ус отставник, — философский камень — ртуть превращать в золото...

— При чем тут ртуть? В принципе, можно и золото из любого дерьма сделать... — скороговоркой проговорил ученый муж. — Но не это главное. — Он доверительно посмотрел на генерала. — Главное — то, что мы можем еще на подлете к нам баллистических ракет противника менять химический элемент их боеголовки с опасного радиоактивного на все тот же маргарин или пластилин... Представляешь, прилетает такая «дура» к нам в огород, а там две тонны пластилина...

Генерал недоверчиво посмотрел на своего собеседника: то ли в психушке запоры слабые, то ли он сам умом где-то повредился...

«На кой ляд нам столько пластилина?!» — подумал он, а вслух произнес: — Чем сказки мне рассказывать, расскажи лучше о себе. Женат, есть дети?

— Да есть...

— Как познакомился с женой?

— На трассе подобрал...

— Что, путаной работала?

— Да нет... В следственном комитете... Я из командировки возвращался, а тут она стоит голосует... Ну, я ее и подобрал... Они в тот день проводили операцию — на «живца» маньяка какого-то ловили, который «ночных бабочек» на трассе той резал... Вижу, симпатичная бабенка... Ну, я и врубил все свое обаяние, а она меня электрошокером вырубил... Очнулся уже в больнице. Прикинулся серьезно пострадавшим. Так она ко мне целую неделю ходила, вину свои вымаливала... Так все у нас и началось...

— Врешь... Ты потом еще полгода за ней бегал, домогался, надоедал, да так, что они тебя и впрямь за маньяка приняли...

— А ты откуда это знаешь?

— Дело твое читал...

— Тогда зачем спрашиваешь?

— Проверяю, не правнук ли ты барона Мюнхгаузена...

Ученый обиделся и даже отвернулся от своего собеседника.

Оба молча посмотрели на поплавки своих удилищ. Тихо. Клева как не бывало. Вся рыба ушла на дальний кордон, и рыбаки чуяли, что вернутся домой с пустыми ведрами. Но не в рыбалке было в тот день их счастье. Удача пришла к ним совершенно с другого берега.

В назначенное генералом время на горизонте действительно показалась темная точка, которая начала стремительно увеличиваться в размерах, и вскоре ни у кого уже не было сомнения — это он: большой, сильный и очень опасный.

— Американский авианосец чую издалека по стойкому запаху марихуаны... — признался генерал. — И как они только под эту дурь умудряются еще воевать?!

— Еще есть время отказаться от нашего эксперимента... — с нескрываемой тревогой обратился к нему ученый.

— Валяй, раз уж сюда приехали. — Утвердительно взглянул на него военный. — Я на тебя пари держу — ящик водки поставил на то, что у тебя ничего не выйдет...

— Ну, как знаете... — вздохнул профессор и открыл свой заветный чемоданчик.

Изобретатель достал из своего «чемодана» какую-то хреновину, повернул на ней какую-то загогулину и, направив аппарат на авианосец, нажал на какую-то кнопку.

— Ну и что?! — произнес с укоризной после минутной паузы генерал. — Где твое обещанное чудо техники? Где маргарин...

Авианосец и корабли сопровождения мирно шли под полосатым флагом спасать мир от какой-то очередной военной угрозы во благо процветания их свободы и демократии. Но не успел генерал договорить последнюю фразу своей гневной отповеди, как контуры авианосца словно в тумане поплыли и вдруг начали интенсивно таять в водах Средиземного моря. Металл и впрямь стал стремительно превращаться в маргарин, испуская при этом какие-то молочные испарения.

— Ух, ты! — невольно воскликнул в сердцах генерал и даже привстал с места. Удочка сама выпала из его рук, и он, как школьник на уроках занимательной химии, широко открыл от удивления рот.

На его глазах огромный авианосец и впрямь растворялся, как растворяется теплый маргарин на горячей сковородке. Ошалевший от неожиданной трансформации привычного физического пространства экипаж корабля отчаянно барахтался в маргариновой слизи, от страха проклиная бракованную партию марихуаны, по случаю прикупленную у цыган в Гибралтаре.

— Я еще со времен Вьетнама полюбил, как американцы матюгаются над своей разбитой техникой... — признался приятелю генерал, прислушиваясь, как из глубин маргариновых вод доносится отчаянная англоязычная ненормативная лексика.

Сопровождавший авианосец эскорт военных кораблей тоже начал постепенно оплывать и таять, заставляя свои экипажи в страхе бросаться в воды негостеприимного Средиземного моря. Сидящие в лодке рыбаки долго еще не могли отвести глаз от этого завораживающего своей таинственностью и одновременно торжественностью исторического зрелища — испарения целого каравана судов.

— Это гуманно, что твой аппарат превращает в маргарин только железяки... — глядя на барахтающихся в море иноземных моряков, заметил военный, переводя от волнения дух. — С этой точки зрения ни к чему не придержишься...

— Я еще в университете дал клятву ученого не обращать свои изобретения во зло людям: «особенно похвально — прожить всю жизнь справедливо, обладая полной свободой творить несправедливость»... — процитировал он по памяти платоновского «Горгия». — Я — пацифист, поэтому воюю против самого оружия...

Теплые маргариновые воды обдавали их вкусом парного молока — хоть яичницу жарь. В душе томилось ощущение чего-то большого, таинственного и еще неизведанного. Событие тысячелетия! Но за такие «подвиги» Нобелевскую премию мира не дают...

— А ведь получилось... — еле выдавил из себя генерал, отхлебывая из своей походной фляжки какую-то горячительную жидкость. — Все, как и обещал... Был авианосец, и нет авианосца... Что мы теперь американцам-то скажем?!

Волны взбивали вокруг их утлого суденышка пену, словно из нее вот-вот должна была вновь народиться очередная Афродита.

— Инопланетяне... Они нам все равно не поверят... — подсказал ему возможный вариант изобретатель. — Скажут, что это фейк, такого не бывает...

— Ну да, а затем их адвокаты докажут в суде, что адмирал попросту пропил авианосец какой-нибудь китайской корпорации, которая превратила его в плавучий бордель и казино... — подхватил его версию генерал.

— Н... да... «Перекуем мечи на орала...» — вспомнил изобретатель финальную часть клятвы ученого.

— А ты можешь так же виски в самогон перегнать? — неожиданно поинтересовался военный у ученого.

— Могу... — последовал лаконичный научный ответ.

В беседе возникла неопределенная пауза. Каждый пытался переварить в своем мозгу случившееся, и у каждого возникало еще больше вопросов и сомнений.

— Так все-таки почему у тебя из железа выходит именно маргарин? — все допытывался у ученого генерал, ощущая себя попавшим в какую-то русскую, но ненародную сказку.

— Да я по чем знаю?! — отнекивался тот, собирая в чемодан свое чудо-оружие. — Что бы мы ни делали, как бы ни меняли условия эксперимента, все равно выходит маргарин... Правда, выпечка из него получается не ахти какая... Автомобильным маслом слегка отдает...

— А кораблик и впрямь оказался маргариновым...

— Все лучше, чем просто обыкновенная куча нетонущего дерьма...

— Да... Опасная у тебя профессия... — как на духу признался военный. — Поди знай, какой «маргарин» в следующий раз у тебя получится... А ведь кое-где люди все еще почтовыми голубями пользуются...

— «На свете есть такое друг, Гораций, что и не снилось нашим мудрецам...»

— Чую печенкой, пора нам отсюда самим удочки сматывать, — поспешно вернулся к штурвалу своего катера генерал, — а то опять Россию обвинят в каком-нибудь злодействе...

И их легкомоторный катерок стремительно побежал по волнам прочь от образовавшегося на море маргаринового пятна. Вскоре они скрылись из вида, а над мирными водами Средиземного моря еще долго разносился отчаянный англоязычный мат, оплакивающий потерю материально-технической собственности Соединенных Штатов Америки.

А сколько еще таких будущих «маргариновых корабликов» плавают по волнам Мирового океана, о том знают все просвещенные разведки мира...

ОН СЛИШКОМ МНОГО ЗНАЛ...

К двадцать четвертому веку наука практически решила вопрос человеческого бессмертия. Средний возраст жизни людей составил тогда уже двести двадцать лет и неуклонно продолжал расти. По принятому общепланетарному закону на Земле разрешалось теперь жить только людям до ста лет, а после отправляться на заслуженную пенсию на другие обитаемые планеты Солнечной системы — курорты со всеми включенными удобствами и благами цивилизации, позволяющие удовлетворять полноценную творческую жизнь. Подобным способом человечество решало проблему перенаселения Земли и предотвращало конфликты из-за ограниченных природных ресурсов.

Наука окончательно вытеснила на вторые роли политику, и теперь политики без научной экспертизы не могли и шага ступить. Победившая олигархию меритократия неуклонно диктовала свои незыблемые правила новой жизни. Последняя мировая война оказалась всего лишь неуклюжим фейком столичных информационных табло-

идов, после чего на всех СМИ была установлена специальная программа «Антифейк» («Antifake»), моментально распознающая и выявляющая любое отклонение от истины в сторону мифологизации общественного мнения, мистификации или фальсификации действительности. В информационном обществе за ложь стали давать в разы больше, чем за ограбление банка или попытку совершения государственного переворота.

Бурное развитие генетики и нанотехнологий привело к коренному изменению характера археологических исследований. Теперь стало возможно по органическим фрагментам восстанавливать не просто физический облик древнего человека, но и реставрировать его сознание, особенно восстанавливать его память. Теперь все археологические экспедиции промышляли на старых кладбищах в поисках ДНК выдающихся личностей прошлого, чтобы с помощью новейших технологий научно воскрешать их из праха небытия. «Белые пятна» и «темные дыры» истории начали таять на глазах, и историческая наука из аутсайдеров вышла в передовики научно-технического производства, из науки гадательного толка она стала самой точной наукой в мире (точнее даже математики и метеорологии).

Все те, кого таким образом научно воскрешали, автоматически попадали в разряд «пенсионеров». На одном из спутников Юпитера были созданы все условия для проживания воссозданных наукой исторических персон, которые получили теперь второй шанс, кто не успел при своей первой жизни, написать при своей второй жизни правдивые мемуары. Когда кто-то из них по старинке начинал сочинять о себе небылицы в духе барона Мюнхгаузена, программа «Антифейк» больно была их разрядом трезвющего высокочастотного тока. Научное воскрешение стало настолько популярным занятием, что созданное на ее основе ток-шоу било все мыслимые рейтинги. Популярность особенно зашкаливала тогда, когда в передачах реальные Юлий Цезарь, Александр Македонский и Наполеон вели в прямом эфире жаркие дискуссии, обсуждая исторические судьбы человечества.

И вот однажды...

Известный ученый профессор Нектаров, всемирно признанный эксперт в области ДНК-археологии, в теплый майский день сидел на берегу небольшой речушки в подмосковном лесочке и внимательно разглядывал водяные завихрения бегущего перед ним кристально чистого потока. Он пришел в этот живописный уголок нетронутой природы для того, чтобы дать запланированное интервью одной столичной журналистке, ведущей того самого исторического реалити-шоу. Сам он вот уже второй месяц как бродил по здешним лесам со специальной аппаратурой в поисках следов одной безвестно исчезнувшей здесь четыреста лет назад исторической персоны. И, кажется, его поиски увенчались успехом. Кое-что ему удалось обнаружить, и лавровый венок победителя уже ожидал его на первом же очередном заседании Академии наук.

Не успел ученый подумать о планах на этот поисковый день, как перед ним появилось голографическое изображение журналистки, с которой у него была запланирована на это время информационная встреча, и в прямом эфире началась передача.

— Здравствуйте, профессор! — послышался бодрый, полный оптимизма и жизнерадостности молодой женский голос. — Мы рады приветствовать вас в нашей студии, и, зная, как вы сейчас очень заняты, позвольте сразу перейти к делу и задать вам наш первый вопрос...

Появление изображения журналистки-милашки вывело Нектарова из состояния глубокого размышления, и он настроился на предельно откровенный и по возможности профессиональный с нею разговор.

— Прежде всего наших зрителей интересуют ваши последние открытия, — продолжала тараторить ведущая воскресной топ-передачи. — Как бы вы могли их нам прокомментировать?

— Да, информация начинает понемногу подтверждаться... — подтвердил ее оптимизм ученый. — Теперь мы вправе сказать, что нами реально был обнаружен череп того самого легендарного коня князя Вещего Олега с конкретными отпечатками его ДНК. Пока идут лабораторные исследования, и нам еще рано делать какие-то конкретные выводы. Но собранный материал нас весьма обнадеживает. Наши нейрофизиологи недавно научились расшифровывать мысли животных. Поэтому с большой долей вероятности можно сказать, что нам удастся установить, что думал конь легендарного князя о своем знаменитом седоке, когда тот на нем ездил...

— О! Это действительно сенсационное открытие! — восторженно завершала телеведущая, не обращая внимания на ту плохо скрываемую иронию, с которой ученый произнес свою последнюю фразу.

— Обольщаться пока не будем. Это дело новое, — поспешил предостеречь ее от чрезмерного восторга профессор Нектаров. — Еще неизвестно, какие были между ними отношения... Может быть, сложится так, что, кроме ненормативной лексики, там больше ничего и не окажется... И я боюсь, как бы потом зоозащитники не выдвинули иск за негуманное обращение к современным властям России как правопреемникам Вещего Олега...

— А были ли в вашей практике какие-нибудь аналогичные случаи?

— Да, мы с такими историями уже сталкивались. И неоднократно. Самая ранняя ДНК-реставрация была осуществлена нами в прошлом году, когда на Кавказе в одной из пещер откопали в очень хорошем состоянии череп неандертальца. И знаете, что обнаружили в его восстановленных мозгах? Обрывки текста песни «Где же ты, мое Сулико?»... на русском языке... Грузины были в шоке. Они тоже оказались русскими... Правда, потом выяснилось, что там начудил немного лаборант, который проводил эти анализы: он, поросенок, брал ДНК неандертальца своими грязными руками. Скандал удалось кое-как замять, но неприятный осадок все-таки остался...

Зато тест на ДНК-генеалогию того неандертальца дал поразительный результат, — продолжал излагать свою версию археолог. — Оказалось, что этот самый обнаруженный нами костяк является прямым предком таких известных спортсменов двадцатого столетия, как американского боксера Мухаммеда Али и русского борца Николая Валуева... Но вот родство со Снежным человеком пока так и не подтвердилось, и его происхождение все еще остается под вопросом...

— Значит, проблемы в ваших исследованиях все-таки есть? — задала свой банальный вопрос ведущая передачи.

— Да. Есть. Хуже всего производить подводные археологические раскопки. Например, в Каспийском море на месте бывшей Астрахани. Дно илистое, мутное, ориентиров никаких. Слава богу, что тамошнее кладбище не представляет никакого для нас интереса, а то бы пришлось возиться в этой отвратительной соляной жиже...

— А бывают случаи, когда вам удается получить ДНК, не имея никаких физических останков? — Последовал очередной любопытный вопрос журналистки.

— Да, случаи такие бывают... Вот, например, в начале этого года мы с коллегами копали городище, где в начале двадцать первого века располагался американский Конгресс... Так там по следам мочи в туалетных комнатах Капитолия нам удалось получить весьма интересный исторический материал... Целый букет сенсационных открытий и открытий... Если бы вы только знали, о чем думали американские конгрессмены во время этих процедур! Дюма отдыхает! Теперь понятно, почему наши современные политики столь тщательно следят за своими отходами, никогда с ними не расстаются и никого к ним не допускают. Кто бы мог подумать в двадцать первом веке, что и эти следы жизнедеятельности первых лиц государства станут государственной тайной, самыми сокровенными национальными секретами!?

- А над чем вы с коллегами работаете сейчас? Кого вы сейчас ищете?
- Ищем одного политического деятеля середины двадцатого века, который очень много знал о своей исторической эпохе, но стал жертвой политических репрессий.
- Это какой-то выдающийся деятель?
- Да, как вам сказать... — немного замялся профессор. — По своей натуре он был палачом. Он весь по уши в крови... Но он был допущен к высшим секретам Советского государства, был участником всех важнейших событий... Полностью «воскрешать» мы его, конечно же, не намерены. Мы хотим лишь восстановить по ДНК его память, чтобы скачать из нее нужную для исторической науки информацию. Такие люди, как этот, не заслуживают гуманного отношения потомков, хотя определенное чувство уважения к нему тоже есть...
- Это как?
- Он курировал ядерный проект Советов, а если бы мы тогда не создали свой аналог ядерного оружия, американцы применили бы его уже тогда и тем самым погубили бы из-за своего невежества все человечество... В те годы наука практически ничего еще не знала о влиянии радиации на жизнь. Парадокс, но если бы не этот разыскиваемый ныне нами субъект, нас бы всех ожидали мучительные века радиации и ужасной мутации... Быть может, нас бы с вами сейчас здесь вообще не было...
- Какую пользу приносят ваши исследования? Я имею в виду, как мнения древних людей влияют на наше современное мировоззрение?
- Знаете ли, практически каждый день приходится заново переписывать историю. Историческая наука до и после изобретения ДНК-реставрации — это две совершенно разные науки. Полученные беспристрастные откровения выдающихся деятелей культуры, политики, религии и т. д., в корне меняют наше представление о прошлом. В скором времени с фальсификацией будет покончено раз и навсегда. Да, такая очищенная от лжи и мифов история будет кое-кому неудобна и откровенно враждебна. Но в наш просвещенный век такие дремучие представления уже мало кого волнуют.
- Если давать философскую оценку нашим последним открытиям, то они нас несколько настораживают. Речь идет о недопущении повторения фатальных ошибок человечества. А мы, к сожалению, повторяем путь других древних цивилизаций, которые существовали до нас и погибли по разным причинам. Они тогда тоже отправили своих пенсионеров на другие планеты, а сами стали жертвой техногенной или природной катастрофы. Оставшиеся одни пенсионеры уже не могли производить на свет потомство и вскоре все просто вымерли как устаревший вид.
- А тот, кого вы сейчас ищете, что он может нам интересного рассказать?
- От него вообще можно ожидать чего угодно... — Покачал головой ученый. — Он тот, еще раз повторю, кто очень много знал о своем времени. Это особенно ценный для нас источник достоверной информации.
- С ним не очень хорошо в свое время поступили: оклеветали, расстреляли, труп кремировали, а прах развеяли по ветру. Поэтому нам приходится реконструировать обстановку того времени, чтобы хотя бы приблизительно установить место его захоронения. Где-то здесь, но где именно, нам еще предстоит выяснить... Будем надеяться на удачу и на наш богатый жизненный опыт.
- Он слишком много знал, чтобы вот так вот бесследно сгинуть в историческом забвении. Мы уже успешно ДНК-реконструировали его убийц и тех, кто непосредственно развеивал его прах. Шансы есть, но они невелики. Нам пришлось даже восстанавливать с этой целью одного горького пьяницу, бесстыжего подонка и неисправимого тупицу, который оказался случайным свидетелем этой истории. Потратили на него уйму средств и времени, хотя не в нашей практике заниматься такими пустыми персонажа-

ми. Вы же знаете, что мы восстанавливаем только тех «бывших», личности которых представляют для нас ту или иную ценность... С «отбросами общества» мы ведь не работаем... Но на этот раз именно в таком историческом «отбросе» мы и нашли разгадку этой тайной истории... Как говорили древние: «Когда б вы знали, из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда!»

— Значит, ваш объект поиска обладает какой-то уникальной исторической информацией? — продолжала пытаться его журналистка, всем своим видом демонстрируя, что сама является экспертом по этому вопросу.

— Нам точно известно, что склерозом он не страдал и имел отличную память... — пояснил археолог. — Речь, таким образом, может идти о целых миллионах гигабайтов ценнейшей достоверной информации, носителем которой он является. Причем эта информация большей частью была секретного характера. Так что достоверными скандалами ваша передача может быть обеспечена на многие годы вперед...

— Хорошо! — радостно подвела итог их быстротечной беседы журналистка. — Пожелаем вам огромных творческих успехов в ваших трудных поисках! Большое спасибо вам за участие в нашей передаче! Будем ждать от вас свежих новостей, и до скорой встречи!

Студия заплодировала, голограмма исчезла.

После завершения передачи профессор перевел свой печальный взгляд на молодую березку и с грустью подумал:

— Мне только девяносто девять годков... Я еще полон сил и энергии... А мне через год уже выходить на заслуженный отдых... А я так мало успел еще сделать... Чем я буду заниматься на пенсии? Нет, я этого заслуженного отдыха пока еще не заслужил... — Он всмотрелся в речной поток, который, словно время, пронесился мимо него. — Мне рано становиться безработным... Я слишком много знаю, чтобы вот так просто взять и уйти... Я еще о-го-го как могу е-го-го! И кто только придумал эту дурацкую пенсию?! — то и дело повторял он раздраженно себе под нос. — Поотрывал бы тому все ноги...

Время текло, пронося мимо него секунды, часы и века истории.

Через несколько минут вблизи от него послышался хруст опавших сухих веток. Нектаров даже не вздрогнул. Он знал, что с разных сторон к нему уже подкрадывалась экологическая полиция. Сделанный им за пять минут до интервью якобы анонимный звонок в МЧС предупреждал власти о готовящейся попытке разведения несанкционированного огня в охраняемом заповедном лесу. Приготовленные заранее профессором спички, мангал, шампуры и шашлык были веским доказательством его злостных намерений.

За совершение этого преступления ему полагалось до пятнадцати лет принудительных исправительных работ по прежней специальности. И профессор был нескончаемо счастлив, когда на его запястьях защелкнулись электронные браслеты полицейских наручников. Он был уверен, что у него нет никаких смягчающих его вину обстоятельств, а значит, его пенсия откладывается на неопределенный срок...

— Ура! Ура! — ликовал правонарушитель, отправляясь на летающей казенной тарелке в тюремную каталажку. — Я остаюсь на Земле! У меня снова есть моя любимая работа... У меня снова есть время! И кто только придумал эту дурацкую пенсию? Пока голова варит, надо работать...

И действительно, кому работа в радость, тому и пенсия не нужна...